СЕРГЕЙ ВАХРИН

Экипаж мятежного галиота

Журнал «Вокруг света», 1990 г., № 2-3



Санкт-Петербург
Свое издательство
2017

УДК 929
ББК 63.3(2Рос=Рус)8
В 225

Вахрин С.
Экипаж мятежного галиота. — Санкт-Петербург:
Свое издательство, 2017. — 92 с.

ISBN 978-5-4386-1285-8

© Сергей Вахрин, текст, 1990.
© Свое издательство, 2017.

О Большерецком бунте 1771 года и о его руководителе — Августе Морице (Маурицции) Беньевском — написано немало. Но по сей день ни в исторической, ни в художественной литературе, на мой взгляд, не сделано серьезной попытки рассказать не только о руководителе бунта, его ближайшем окружении, но и о тех людях, которые поддержали этот бунт в камчатской столице, а потом бежали на захваченном казенном галиоте «Святой Петр» из Чекавинской гавани Большерецкого устья в Китай. Авторы этих работ как будто уходят от ответа на главный вопрос: что это были за люди, почему они решились порвать связь с родиной и примкнуть к бунтовщикам? Прежде всего потому, что в распоряжении исследователей не было достоверных материалов, рассказывающих о бунте. Хотя многие пользовались в работе мемуарами самого Беньевского, подробным, я бы сказал, даже дотошным описанием Большерецких событий в «Записках канцеляриста Рюмина», материалами иркутских и московских архивов.

Сейчас трудно перечислить все те источники, которые позволили разобраться в причинах бегства с Камчатки штурмана Максима Чурина, штурманского ученика Дмитрия Бочарова, матросов Алексея Андреянова, Григория Волынкина, Василия Ляпина с галиота «Святой Петр», приказчика Алексея Чулошникова с тридцатью тремя

промышленниками-зверобоями с промыслового бота «Святой Михаил», тотемского купца Федоса Холодилова... Но удалось выяснить, на мой взгляд, главное — что эти причины носят, увы, не романтический, как принято считать в исторической, а тем более в художественной литературе, а драматический и даже трагический характер. У многих из этих бунтарей было достаточно оснований для борьбы за справедливость: поруганная честь, разбитые надежды, растоптанное счастье, и Беньевский ловко использовал эти ситуации, связал преданных ему людей ложными надеждами и столь же ложной клятвой, которой первый и изменил. Потому для начала нам следовало бы понять роль самого Беньевского в Большерецких событиях 1771 года.

Беньевский

Об этом человеке написано так много, что совершенно уже нельзя понять, какой же он был на самом деле. Я имею в виду не только личность — сложную, авантюрную и противоречивую, но даже фамилия его в точности неизвестна: Беньевский, Беневский, Бениовский, Бейпоск. Документы и письма свои в Большерецке и позже он подписывал как барон Мориц Анадар де Бенев, а родился в селении Вербово Австро-Венгрии под именем Бенейха. Правда, насчет года рождения тоже вышла осечка. По его собственным словам, это произошло в 1741 году. Но биографы уже поняли, что верить на слово Беньевскому ни в коем случае нельзя и нужно проверять абсолютно каждое утверждение барона. И когда английский издатель мемуаров Беньевского Гасфильд Оливер поднял метрические книги вербовского прихода, то оказалось, что Беньевский родился в 1746 году. А это значит, что по возрасту он не мог принять участие ни в одном из тех сражений Семилетней войны, о которых пишет в своей автобиографии, — ни при Лобовице 8 октября 1756 года, ни у Праги 16 мая 1757 года, ни при Домштате в 1758 году...

Но это еще не все. Получается, что с 1763 по 1768 год Беньевский не мог участвовать ни в одном морском плавании,

так как нес в это время службу в Польше, в Калишском кавалерийском полку. И был он не генералом, а всего лишь капитаном гусар. Не получал он и орден Белого Льва, как расписывает в своих мемуарах. Все это плод его действительно незаурядной и яркой, тут мы не сомневаемся ни на йоту, фантазии в духе другого известного барона-враля.

По сей день также спорят еще и о национальности Бейпоска-Бенейха-Беньовского — венгр ли он, поляк или, может быть, все-таки словак....

Мы же знаем его в истории Камчатки как польского конфедерата, то есть участника католическо-дворянского движения в Польше — Барской конфедерации — против ставленника русской императрицы короля Станислава Понятовского и русских войск, введенных в Польшу по приказу Екатерины. Дважды попадает Беньевский в плен. В первый раз он был выпущен под честное слово, что больше не обнажит свою шпагу. Слова не сдерживает и попадает в плен второй раз, оказывается в Казани, откуда бежит вместе со своим товарищем по конфедерации и ссылке, шведом, майором Винбландом в Санкт-Петербург, чтобы оттуда на любом попутном суденышке вернуться через Балтику назад в Польшу. Однако его поймали и сослали вместе с Винбландом теперь уже на Камчатку. Но прежде чем попасть туда, он с Винбландом и еще тремя русскими ссыльными, отправленными в вечную ссылку на самый край русской земли,— Степановым, Пановым, Батуриным — оказывается в Охотском порту. Здесь они были расконвоированы и отпущены на волю — до той поры, пока не будет снаряжен в дорогу

галиот «Святой Петр», совершающий постоянные казенные переходы из Охотского порта в Большерецкий на Камчатке. Никто не обращал в Охотске ровно никакого внимания на ссыльных: — их здесь, кроме этих пятерых, находилось столько, что и упомнить всех просто невозможно. На галиоте «Святой Петр», который готовился идти на Камчатку, было трое матросов из «присыльных арестантов» — Алексей Андреянов, Степан Львов, Василий Ляпин.

Охотская свобода смущала ссыльных, как, наверное, и любого, кто знает, что впереди его ждет неволя, а надежд с каждой новой верстой, что ведет в глубь Сибири, остается все меньше и меньше. Тысячи верст тайги и тундры уже позади — попробуй одолей.

Но был другой путь, который еще не использовал никто, — морем. До Японии, где вели торговлю голландские купцы, или до Китая — португальского порта Макао, или порта Кантон, куда заходили английские и французские суда. И нужно-то всего ничего — захватить казенный галиот, который повезет на Камчатку ссыльных, и увести его в Японию...

Скоро Беньевскому с товарищами удалось сойтись ближе с некоторыми членами экипажа «Петра». К заговорщикам, кроме ссыльных матросов Андреянова и Ляпина, примкнули также матрос Григорий Волынкин и, главное, командир галиота, штурман Максим Чурин.

Нашли они сочувствующих и на берегу. Сержант Иван Данилов и подштурман Алексей Пушкарев помогли с оружием — к моменту выхода галиота в море, 12 сентября

1770 года, каждый из заговорщиков имел по два-три пистолета, порох и пули. План захвата галиота был чрезвычайно прост: дождаться шторма и, как только пассажиры укроются в трюме, задраить люк и уйти на Курильские острова, где и оставить всех не желающих продолжить плавание до Японии или Китая, а с остальными идти дальше, куда получится... Шторм разыгрался у берегов Камчатки. И такой, что галиот вышел из него без мачты, изрядно помятый. Продолжать на нем плавание было бессмысленно, и Чурин повернул галиот на северо-восток, к устью реки Большой.

Нужно ли говорить, что это было крушением надежд. Если Беньевский с остальными ссыльными, возможно, и недопонимал трагичности своего положения и наивно полагал где-нибудь в глубине души, что они вернутся в Большерецк, отремонтируют галиот и снова уйдут на нем в море, то Чурин с матросами знал точно: это уже конец всяким надеждам. От Чекавинской гавани в устье реки Большой, где встанет на зимовку галиот, до Большерецка сорок верст бездорожья, болот, кочкарников, непролазных зарослей ольшаника... Из Большерецка незамеченным не уйдешь — сорок дворов, каждый человек на виду. А добрался до Чекавки — попробуй снаряди-ка судно в вояж, не одна неделя уйдет — и провиант нужно запасти, и паруса поставить. Уж лучше не терзаться напрасными надеждами и выкинуть из головы всякую мысль о новом захвате галиота...

В Большерецке ссыльные встретились со своими товарищами по несчастью — государственными преступниками, уже не один год, а то и не один десяток лет прожив-

шими в этих местах, — камер-лакеем правительницы Анны Леопольдовны, матери малолетнего императора Иоанна VI, Александром Турчаниновым, бывшим поручиком гвардии Петром Хрущевым, адмиралтейским лекарем Магнусом Мейдером...

Встретились и сошлись накоротке, так как всех их объединяла общая ненависть к нынешней императрице Екатерине II. С Хрущевым Беньевский вообще подружился — они будут жить в одном доме, откроют вместе школу и... разработают новый план бегства ссыльных с Камчатки.

В бытность Хрущева в здешней ссылке — а он провел здесь уже восемь лет — большерецкий казачий сотник Иван Черных на морской многовесельной байдаре ходил на южные Курильские острова и дошел почти до Японии, описал все, что видел и слышал, а также составил подробную карту тех мест, где он побывал. С карты этой потом были сняты копии, одна из которых должна храниться в Большерецкой канцелярии. Копии делал бывший канцелярист, разжалованный в казаки Иван Рюмин. Байдара же так по сей день и лежит на мысе Лопатка никому не нужная, гниет, разваливается. Если эту байдару отремонтировать, то потихоньку, от острова к острову, на ней можно было бы дойти до Японии...

Так родился этот план. Первая его часть — непосредственно плавание в Японию — была самой простой для реализации. Гораздо сложнее было найти повод, чтобы командир Камчатки отпустил ссыльных на Лопатку. Тогда они сказали командиру — капитану Григорию Нилову, — что зай-

мутся на Лопатке хлебопашеством, он и пообещал помочь всем, что потребуется, так как по строжайшему приказу властей из Иркутска он должен был всеми силами способствовать развитию на Камчатке хлебопашества.

Гораздо труднее было раздобыть, а главное, доставить на Лопатку все необходимое для ремонта байдары — на дырявой и первый Курильский перелив не преодолеешь, а их, если верить Черных, чуть не двадцать. Решили, что байдару можно отремонтировать, не таясь и за казенный счет якобы для того, чтобы священник Устюжанинов смог пойти на ней в земли язычников — мохнатых курильцев — приобщать инородцев к православной вере.

Идея была хорошая. Сам Устюжанинов ее поддерживал. Не противился и Григорий Нилов, но не он ведал камчатскими церковными делами, а протоиерей Никифоров, который находился со всем духовным правлением в Нижнекамчатском остроге. Тогда Устюжанинов отправился в Нижнекамчатск, чтобы получить благословение отца протоиерея.

Только успел уехать Устюжанинов, как планы заговорщиков изменились: в феврале 1771 года в Большерецкий острог пришли тридцать три промышленника-зверобоя во главе с приказчиком Алексеем Чулошниковым — все они были с промыслового бота «Святой Михаил» тотемского купца Федоса Холодилова и шли на Алеутские острова промышлять морского зверя. Три года готовил Холодилов свою экспедицию, все чего-то ждал, выгадывал, а тут будто на него что нашло — послал в море в период свирепых зимних штормов. Но и подвела его жадность — в один из таких

штормов, что преследовали «Михаил» на всем его пути до Камчатки, выбросило бот в устье реки Явиной (южнее Большерецка) на берег. Промышленники пришли на зимовку в Большерецкий острог, где чуть раньше по пути оставили они своего хозяина, но Холодилов приказал им возвращаться на «Михаил», сталкивать его в море и идти туда, куда он им прежде велел.

Чулошников возразил хозяину. Тот сместил приказчика с должности и на его место поставил нового — Степана Торговкина. Тогда взроптали промышленники. Холодилов же обратился за помощью к Григорию Нилову — к власти. Нилов уже дал Федосу пять тысяч рублей — под проценты с промысла — казенных денег и потому даже слушать не стал никого из зверобоев.

Тогда и появился у промышленников Беньевский. Он взялся уладить все недоразумения, поговорить с начальством и — больше того — обещал промышленникам помочь добраться до легендарной на Камчатке земли Стеллера, той самой, что искал Беринг, а потом и другие мореходы. «Именно туда, — утверждал ученый муж Георг Стеллер, — уходят на зимовку котики и морские бобры с Командорского и прочих островов». Для себя же Беньевский просил сущий пустяк — на обратном пути завезти его с товарищами в Японию — это совсем рядом. «По рукам?» — «По рукам!» — дружно ответили промышленники.

Увы, штурман Максим Чурин, специально съездив и осмотрев бот, пришел к плачевному выводу: «Михаил» к дальнему плаванию не годится. Так что новый план, к общему

сожалению, сорвался. Впрочем, как и старая задумка: в заговоре участвовало уже около пятидесяти человек, и одной байдарой в случае чего было не обойтись. К тому же пополз по Большерецку змеиный слушок о том, что ссыльные замышляют побег с Камчатки, и что они составили заговор против Нилова. Но командир Камчатки пил горькую и слышать ничего не хотел о каких-то там заговорах и побегах. Это, конечно, не успокаивало Беньевского с компанией — когда-то ведь он может и протрезветь?! Тут еще и протоиерей Никифоров, заподозрив неладное, задержал Устюжанинова в Нижнекамчатске, а отец Алексей был нужен сейчас Беньевскому позарез здесь, в Большерецке, потому что заговорщики снова возвращались к старому, еще недавно совершенно безнадежному плану захвата казенного галиота, и священник-единомышленник оказал бы при этом неоценимую услугу. Нужно было поднять народ на бунт против власти. А для этого должен быть общий политический мотив, надежда, веру в которую укрепил бы авторитетом православной церкви отец Алексей. Но Устюжанинов сидел под домашним арестом далеко от Большерецка. Поэтому Беньевскому срочно нужно было вовлечь в новый заговор людей, способных вести корабль туда, куда укажет их предводитель. Прежде всего — промышленников с «Михаила», озабоченных пока только лишь собственными бедами и обдумывающих вояж к богатой морским зверем земле Стеллера, где каждый из них сможет обогатиться на промыслах.

Однажды вечером Беньевский пришел к промышленникам с зеленым бархатным конвертом и открыл им государ-

ственную тайну. Оказывается, он попал на Камчатку не из-за польских дел, а из-за одной весьма щепетильной миссии: царевич Павел, насильственно лишенный своей матерью Екатериной прав на российский престол, поручил Беньевскому отвезти это вот письмо в зеленом бархатном конверте римскому императору. Павел просил руки дочери императора, но Екатерина, каким-то образом узнав об этом, приставила к собственному сыну караул, а Беньевского с товарищами сослала на Камчатку. И вот ежели промышленники помогут Бейпоску-Беньевскому завершить благородную его миссию к римскому императору, то получат «…особливую милость, а при том вы от притеснения здешнего избавитесь, я хотя стараюсь об вас, но ничто не успевается».

И верно — Холодилов просил Нилова высечь промышленников и силой заставить их идти в море. Промышленники, в свою очередь, подали челобитную с просьбой расторгнуть их договор с купцом, так как судно потерпело кораблекрушение, и они теперь свободны от всех обязательств перед Холодиловым. Незадачливого купца хватил удар, после чего, обозленные поведением командира Нилова, промышленники готовы были разгромить Большерецк и бежать куда глаза глядят.

Беньевский тут же предложил отправиться в испанские владения, на свободные острова, где всегда тепло, люди живут богато и счастливо, не зная насилия и произвола начальства. Ему поверили. Но когда многие из заговорщиков по-настоящему опьянели от чрезмерных доз социалистических утопий, наконец-то отрезвел командир Нилов, и до его

иссушенного алкоголем мозга дошло, что во вверенном ему Большерецке затевается нечто опасное для власти со стороны ссыльных. Он послал солдат арестовать Беньевского и остальных заговорщиков. Но получалось так, что приказ остался невыполненным — Беньевский арестовал солдат сам и приказал своим людям готовиться к выступлению. Впрочем, до Нилова эта весть уже не дошла. Послав солдат, он успокоился и снова напился до невменяемости. А в ночь с 26 на 27 апреля 1771 года в Большерецке вспыхнул бунт.

В три часа ночи бунтовщики ворвались в дом командира Камчатки, спросонья он схватил Беньевского за шейный платок и чуть было не придушил. На помощь Бейпоску поспешил Панов и смертельно ранил Нилова в голову. Промышленники довершили убийство. После этого бунтовщики заняли Большерецкую канцелярию, и командиром Камчатки Беньевский объявил себя.

Большерецк был взят без боя, если не считать перестрелку с казаком Черных, укрывшимся в своем доме, в результате которой не пострадал ни один человек. В этом ничего удивительного: если представить острог не по мемуарам Беньевского, где Большерецк описывается как крепость, подобная европейским в период романтического средневековья, а жалким деревянным сельцом.

На рассвете 27 апреля бунтовщики прошлись по домам большерецких обывателей и собрали все оружие — его сдали без сопротивления. Затем, окружив здание канцелярии шестью заряженными ядрами пушками, они отпраздновали свою победу.

28 апреля хоронили Нилова, который, по их словам, умер естественной смертью, вероятно, от злоупотреблений казенной водкой. Спорить с этим, теперь уже официальным утверждением нового камчатского начальства никто не рисковал, хотя все знали, что было на самом деле: слух об убийстве Нилова еще ночью облетел острог. Солдат Самойлов, отказавшийся делать гроб по заказу убийц, сидел теперь в казенке и получал зуботычины от каждого караульного.

Сразу после похорон Бейпоск приказал священнику отворить в церкви царские врата и вынести из алтаря крест и евангелие — каждый из бунтарей обязан был при всех сейчас присягнуть на верность царевичу Павлу Петровичу. Присягнули все, кроме одного, самого близкого Беньевскому человека — Хрущева. Но этого вроде как и не заметили, опьяненные общей победой. И хотя бунтовщики, отрезвев, заподозрили неладное, было уже поздно — присяга Павлу отрезала пути к отступлению.

29 апреля на реке Большой построили одиннадцать больших паромов, погрузили на них пушки, оружие, боеприпасы, топоры, железо, столярный, слесарный, кузнечный инструменты, различную материю и холсты, деньги из Большерецкой канцелярии в серебряных и медных монетах, пушнину, муку, вино и прочее — полное двухгодичное укомплектование галиота. В тот же день, в два часа пополудни, паромы отвалили от берега и пошли вниз по течению в Чекавинскую гавань для подготовки к вояжу галиота «Святой Петр». Ночь застала на реке. Рассвета дожидались прямо на берегу у камчадальского Катановского острожка, а утром прибыли на место.

Здесь стояла сторожевая изба и два амбара для хранения судовых запасов. Разбили палатки и стали готовить к плаванию «Святой Петр».

2 мая судно вывели из гавани в устье, но нужно было его утяжелить. Штурман Чурин решил, что вместо балласта достаточно догрузить галиот мукой. 3 мая в Большерецк был послан казак Иван Рюмин. Для Камчатки мука всегда была большой ценностью, но тем не менее 7 мая Рюмин уже вернулся в Чекавку на пароме с необходимым количеством муки.

Галиот был готов к отплытию. Но еще четыре дня не трогались в путь — Ипполит Степанов от имени всех заговорщиков писал «Объявление», в котором открыто говорилось о том зле, что принесла России императрица Екатерина, ее двор и ее фавориты. Это было политическое обвинение царицы от имени дворянства и простого народа, и оно было пострашнее присяги царевичу Павлу.

11 мая «Объявление» было оглашено для всех и подписано грамотными за себя и своих товарищей. Под этим документом нет только подписи Хрущева. Но это была не последняя его привилегия на камчатском берегу: утверждая, что галиот отправляется искать для жителей Камчатки свободные земли для счастливой жизни, Беньевский позволяет своему другу — якобы за долги взять с собой на галиот мужа и жену Паранчиных, камчадалов, бывших «ясашных плательщиков», а теперь холопов...

12 мая «Объявление» отправлено Екатерине. Думаю, что в тот момент, когда она читала сей документ, у нее не дрогнула

бы рука подписать указ — несмотря на свое официальное материнское милосердие — четвертовать каждого, подписавшегося под ним.

В вину ей ставили смерть мужа Петра; отлучение от престола законного наследника Павла; разорительную войну в Польше; царскую монополию торговли вином и солью; то, что для воспитания незаконнорожденным детям вельмож даруются деревни, тогда как законные дети остаются без призрения; что народные депутаты, собранные со всей страны для изменения Уложения о законах Российской империи, были лишены царским наказом права предлагать свои проекты...

В тот же день утром галиот «Святой Петр» вышел в море и взял курс на Курильские острова. На его борту было ровно семьдесят человек. Из них пятеро вывезены насильно — семья Паранчиных и трое заложников: Измайлов, Зябликов, Судейкин.

И вот, когда беглецы подошли к шестнадцатому Курильскому острову Симуширу и остановились здесь для выпечки хлебов, четверо из этой пятерки образовали заговор против Беньевского. Заговорщики, пользуясь тем, что весь экипаж галиота находится на острове и судно фактически никто не охранял, решили тайно подойти к галиоту с моря на ялботе — благо Измайлову и Зябликову было поручено описать гавань, в которой стоял «Святой Петр», и нанести ее на карту, — забраться на судно, обрубить якорные канаты и вернуться в Большерецк за казаками. Яков Рудаков, на общую беду, решил вовлечь в заговор матроса Алексея Андреянова.

Тот донес обо всем Беньевскому. Бейпоск приказал расстрелять заговорщиков, но потом изменил свое решение и устроил им публичное наказание кошками.

29 мая в 9 часов вечера галиот «Святой Петр» покинул остров, на берегу которого остались штурманский ученик с галиота «Святая Екатерина» Герасим Измайлов и камчадалы из Катановского острожка Алексей и Лукерья Паранчины. Благополучно пройдя Японское море, беглецы оказались в Японии, но, не встретив там особого привета, поспешили уйти от греха на Формозу — остров Тайвань.

Формоза была одним из тех райских уголков, о каких члены экипажа галиота не смели и мечтать. Но и райский уголок имел свою изнанку — морские пираты постоянно делали набеги на прибрежные селения, захватывали жителей в плен и продавали в рабство в те самые испанские владения, о которых мечтали многие на «Святом Петре».

Жители острова встретили русских очень хорошо. Это было 16 августа 1771 года. Помогли ввести судно в удобную для стоянки гавань. Оказалось, что название острова в переводе с португальского — «Прекрасный». На следующее утро туземцы привезли на галиот ананасы, кур, свиней, какой-то напиток вроде молока, сделанный из пшена. Началась торговля. На иглы, шелк, лоскутья шелковых материй, ленточки русские выменивали продукты, поражаясь их дешевизне. «Вот где бы пожить», — думал, наверное, каждый из них.

Но в тот же день, пополудни, случилась беда. Беньевский приказал отправить на берег ялбот и запастись питьевой водой. Сначала отправили одну партию людей на берег, затем

вернулись за второй. Туземцы приняли все это за подготовку к нападению на селение. И потому напали первыми, убив и ранив несколько человек. Вот когда раскрылся характер предводителя беглецов во всей своей красе. Да и каждый из членов экипажа показал, на что он способен под началом Бейпоска.

Мимо галиота в тот недобрый час проходила лодка с туземцами. «Огонь!» — приказал Бейпоск, и дружный залп заглушил пение райских птиц, а пороховая гарь смешалась с ароматом чудесных цветов и диковинных растений. Пятеро из семи туземцев были убиты, двое тяжелораненых кое-как догребли до берега. «Вперед!» — раздался очередной клич предводителя, и перегруженный ялбот медленно, как черепаха, пополз от галиота к берегу. «Кровь за кровь! Смерть за смерть!» — орали промышленники и казаки, мореходы и бывшие дворцовые заговорщики, добивая раненых, разбивая морские лодки туземцев на берегу. Но в глубь острова они заходить не рискнули. 20 августа Бейпоск приказал спалить селение туземцев. Когда пламя, пожирая крытые сухой травой жилища туземцев, взметнулось к небу, ударили корабельные пушки. А на следующий день галиот покинул прекрасный остров и ушел за горизонт. Доволен остался только Беньевский, и никто еще не подозревал, какой план вынашивает он в тайне от всех. Даже от своего друга Хрущева.

12 сентября 1771 года галиот «Святой Петр» вошел в португальский порт Макао в Китае и возвестил об этом залпом из всех пушек. Три пушки с берега просалютовали в ответ согласно рангу галиота, и Беньевский на ялботе отправился

нанести визит португальскому губернатору Макао. Русские остались ждать своего предводителя. Видимо, все-таки многое в своей жизни связывали они с галиотом. Но Бейпоск продал галиот португальскому губернатору и зафрахтовал в соседнем Кантоне два французских судна, чтобы отплыть в Европу. Старый флегматичный швед Винбланд клокотал от ярости. Вдруг вскрылось, что никакой Беньевский не генерал, что царевича Павла он и в глаза никогда не видел.

«Бунт на корабле! — обратился Бейпоск за помощью к губернатору. — Эти люди — отъявленные головорезы и могут наделать тут больших бед. Их нужно срочно изолировать...» Губернатор симпатизировал Беньевскому, польскому барону в тринадцатом колене, даже не предполагая о том, что баронов в Польше никогда не было, и приказал посадить всех русских в тюрьму. «Пока не одумаются», — установил для них срок заключения Беньевский и занялся своими делами, которые предполагалось удачно довершить во Франции.

А русские думали. О многом передумали они здесь, вырвавшись из одной тюрьмы и попав в другую. Не каждый смог это пережить. 16 октября 1771 года умер Максим Чурин, а за ним в течение полутора месяцев — еще четырнадцать человек. Остальные признали свое поражение и согласились следовать за Беньевским в Европу. Все, кроме Ипполита Степанова, — его Бейпоск оставил в Макао, как в свое время Измайлова на Симушире...

Но почему все-таки не бросил Бейпоск в Макао и всех остальных? Был же повод — неповиновение? Посадил бы в тюрьму и был таков. Но нет. Почему? А потому, что должны

были помочь ему для реализации нового, еще более дерзкого плана. Он намеревался предложить королю Франции Людовику XV проект колонизации острова... Формозы. А колонизаторами, по замыслу Беньевского, и должны были стать бывшие члены экипажа галиота «Святой Петр», снова безоговорочно признавшие власть своего предводителя Бейпоска. Но для того, чтобы предложить свой проект Людовику, нужно было еще добраться до Франции. И они прибыли туда на французских фрегатах «Дофин» и «Делаверди» 7 июля 1772 года. Однако от прежнего экипажа оставалась к тому времени едва половина. Во Франции умерли еще пять человек. Оставшиеся в живых поселились в городе Порт-Луи на юге Бретани — здесь они восемь месяцев и девятнадцать дней жили в ожидании каких-либо перемен в своей судьбе.

Наконец Беньевский сообщил, что король принял его проект, но с небольшим изменением: остров Формозу он заменил на остров Мадагаскар — это поближе! — поэтому теперь готовьтесь все стать волонтерами французской армии и отправиться к берегам Африки завоевывать для французской короны новые свободные земли. Мнения русских разделились. Одни отказывались служить, другие соглашались — куда, дескать, теперь деваться, не в Россию же возвращаться, чтобы снова тебя отправили в Сибирь или на Камчатку. Хрущев и Кузнецов, адъютант Беньевского, при поступлении на службу получили соответственно чин капитана и поручика французской армии. С ними записались еще двенадцать человек, а остальные пошли пешком из Порт-Луи в Париж — 550 верст — к русскому резиденту

во французской столице Н. К. Хотинскому с ходатайством о возвращении на родину.

27 марта 1773 года вышли они из Порт-Луи, а 15 апреля прибыли в Париж и в тот же день явились к резиденту. Николай Константинович принял их радушно, определил на квартиру, выделил денег на провиант, одежду и обувь для нуждающихся.

30 сентября 1773 года семнадцать человек прибыли в Санкт-Петербург, а 3 октября, дав присягу на верность Екатерине II и поклявшись при этом не разглашать под страхом смертной казни государственную тайну о Большерецком бунте, отправились на предписанные им для жительства места, «чтобы их всех внутрь России, как то в Москву и Петербург ни когда ни для чего не отпускать», как рекомендовала царица генерал-прокурору князю Вяземскому. Хотя приличия ради спросили у каждого, куда он пожелал бы отправиться.

Обо всех этих событиях в России не было известно еще целых полвека, хотя книга Беньовского, изданная в Англии, Германии, Франции, была долгое время бестселлером.

Теперь наконец читатель может узнать, как сложились жизненные пути тех, на чьих плечах поднялась слава «искусного морехода» и вольнолюбца Августа Морица Беньевского.

Ипполит Степанов

Благодаря Беньевскому в исторической и художественной литературе Ипполит Семенович Степанов представляется вздорным пьяницей, спорщиком и скандалистом, завистником и честолюбцем. Такой он у Н. Смирнова в «Государстве Солнца», такой он и у Л. Пасенюка в «Похождениях барона Беневского».

Но, как выясняется, именно он был правой рукой Бейпоска в Большерецком заговоре — идеологом бунта, комиссаром, если определить его роль языком другой эпохи. Именно ему верили в Большерецке как никому другому.

Кто же он такой?

Отставной ротмистр. Помещик. Московской губернии Верейского уезда. В 1767 году императрица Екатерина II собрала народных депутатов и создала Комиссию о сочинении нового Уложения законов Российской империи. Но царица поторопилась с идеей всенародного обсуждения будущего законодательства — ей и в голову не могла прийти мысль, что кто-то из ее подданных покусится на абсолютизм. Одним из таких и оказался Ипполит Степанов. В память о себе он оставил документ необыкновенной откровенности — политическое обвинение Екатерины, — написанный им в начале мая 1771 года в Чекавинской гавани на Камчатке.

Человек либеральных взглядов, он многим казался привлекательным. Ему доверяли, и его слушали. И доверие это он обманул, представив Бейпоска как приближенного царевича Павла. Хотя делал это, по всей вероятности, только из благих побуждений, веря, что втягивает в заговор людей лишь для того, чтобы смогли они отыскать для себя — пусть на чужбине — свободные и счастливые земли. Идея эта обсуждалась постоянно. Свидетели сообщили о ней на следствии, и в протоколы допросов занесли, что Степанов с Винбландом открыто обсуждали вопрос о возвращении галиота назад на Камчатку вместе с каким-нибудь большим фрегатом, который встанет в Петропавловской гавани и заберет всех, кто пожелает покинуть Камчатку и поселиться в тех краях, что отыщут для них члены экипажа «Святого Петра». Эта запись в следственных делах и спустя много лет после Большерецкого бунта будет тревожить правительство, иркутское и камчатское начальство, боялись все: вдруг да появится этот фрегат...

Потому-то Степанов — единственный из всех — так и не смог примириться с пропажей галиота и предпочел сидеть в тюрьме, нежели идти на мировую с Беньевским. Понятными становятся и его призывы в Макао ни в коем случае не поступать на французскую службу, а возвращаться назад в отечество. И даже дал товарищам письмо на имя Екатерины, в котором всю вину за Большерецкий бунт, бегство с Камчатки брал на себя.

Он считал себя лично ответственным за судьбу каждого из рядовых членов экипажа галиота. За все это Беньевский презирал Степанова и в своих мемуарах чернил его как мог.

По словам лжебарона, Степанову было выдано 4 тысячи пиастров, с которыми тот отправился в голландскую кампанию, директор которой, Лёрё, помог ему отплыть на Яву. Возможно, так оно и было, известно только, что позже — до 20 ноября 1772 года — Ипполит Семенович жил в Англии.

20 ноября Екатерина II подписала указ о прощении своего подданного и разрешила ему вернуться на родину. Но в Россию Ипполит Степанов не вернулся. На указе, который хранится в фондах ЦГАДА, помечено: «Возвращен из Лондона от Полномочного Министра Мусина-Пушкина».

В одном из первых переводов мемуаров Августа Морица Беньевского на немецкий язык есть выдержки из дневника Ипполита Степанова. А быть может, где-то хранится и оригинал, из которого когда-нибудь мы узнаем новые подробности о жизни этого человека, его мыслях и взглядах, достаточно честных, чтобы их уважать.

Василий Панов

Василий Алексеевич Панов, поручик гвардии, и Ипполит Семенович Степанов были сосланы на Камчатку по одному именному указу — за сопротивление наказу Екатерины по составлению Уложения законов Российской империи и резкое столкновение с графом Григорием Орловым.

Больше нам о Панове почти ничего не известно. Он был активным участником заговора — еще с Охотска, когда, спасая Беньевского, он нанес смертельную рану командиру Камчатки Григорию Нилову, а на Формозе, принятый за морского пирата, убит стрелой туземца.

Василий Николаевич Берх, первый русский исследователь большерецкого бунта, встречаясь с очевидцами тех событий, писал о Панове: «... был ... очень хорошей фамилии, с большими талантами и особенной пылкостью ума, но, увлеченный порывами необузданных страстей, послан он был за первое не очень важное преступление в Камчатку».

Эта фраза ввела в заблуждение многих авторов. Образ Василия Алексеевича в исторической литературе носит некий оттенок злодейства — ведь убил же он Нилова! Убил. Но через несколько часов после этого Панов останавливает Винбланда, когда тот приказывает поджечь дом казака Черных,

единственного во всем Большерецке выступившего с оружием в руках против бунтовщиков, а затем Панов защищает купца Казаринова — тот находился в доме Черных и чуть не был убит озлобленными промышленниками и ссыльными.

Василий Панов был одним из тех, с кем разговаривал Степанов «... о том, каким образом освободить жителей Камчатки от грабительства и жестокости местного начальства».

Но судьба распорядилась так, что он сам был убит как пират и похоронен на чужбине.

Максим Чурин

Если бы даже не было этого знаменитого плавания на «Петре» из Большерецка в Макао, имя штурмана Максима Чурина осталось бы в истории.

Он появился в Охотске в 1761 году — был направлен Адмиралтейств-коллегией в распоряжение Сибирского приказа — и принял командование галиотом «Святая Екатерина», который должен был выполнять грузопассажирские рейсы по маршруту Охотск — Большерецк.

В августе 1768 года «Святая Екатерина», на борту которой находился руководитель секретной правительственной экспедиции капитан Петр Кузьмич Креницын, стояла уже в Исаноцком проливе у берегов Аляски. Рядом покачивался на волнах гукор «Святой Павел», на борту которого находился лейтенант М. Левашов.

11 августа 1768 года суда эти разлучились. Экипаж «Екатерины» зимовал на острове Унимак, а «Святой Павел» отправился к Уналашке. Зимовка «Екатерины» была тяжелой. За несколько лет до этого на Лисьих островах — Умнак, Унимак, Уналашка — восставшие алеуты убили русских зверобоев с четырех промысловых ботов, и потому отношения с коренным населением Унимака складывались у Креницына

самые напряженные. Не было свежей пищи — ели солонину. Тридцать шесть могил появилось в ту зиму на Унимаке рядом с русским лагерем.

6 июня 1769 года на Унимак пришел галиот «Святой Павел». 23 июня оба судна вышли в море и взяли курс на Камчатку. В конце июля экипажи обоих судов отдыхали уже в Нижнекамчатске, а в августе следующего года вернулись в Охотск.

Здесь Чурин получил под свою команду новый галиот — «Святой Петр», построенный в Охотске и спущенный на воду в 1768 году.

Но когда Максим Чурин встретился с Беньевским, Винбландом, Степановым и Пановым, которых ему приказано было доставить на Камчатку, все повернулось иначе. Вот что пишет С. В. Максимов в книге «Сибирь и каторга»: «Согласие Турина (Чурина на бегство. — С. В.) безоговорочно и надежно в том отношении, что другого выхода ему не представлялось; идти в Охотск он не мог, без стыда и опасности, по случаю неоплатных долгов своих; согласие же свое он дал под впечатлением недовольства своего на начальство, предавшее его суду за неповиновение и развратное поведение». Однако кое-что здесь вызывает сомнения. Например, откуда такие долги, если с 1765 года Чурин в постоянных плаваниях то с Синдтом, то с Креницыным? В последнее Чурин уходит вместе с женой Ульяной Захаровной...

И все же без штурмана Чурина не было бы ни побега, ни долгих скитаний на чужбине галиота «Святой Петр». Дело в том, что этот опытный моряк оставался единственным чело-

веком во всем русском флоте, кто проделал к тому времени три похода от Камчатки до Америки и Китая. Именно он, штурман Максим Чурин, провел галиот не проторенной еще морской дорогой и нанес ее вместе с помощником своим, штурманским учеником Дмитрием Бочаровым, на карту, которая и по сей день еще, может быть, и не изученная никем, лежит в московском архиве, куда повелела Екатерина спрятать все упоминания о камчатских бунтарях...

Но Чурин не дожил до этого дня — сломленный, как и многие, предательством Бейпоска, он умер в Макао 16 октября 1771 года.

Иоасаф Батурин

Рассказ о нем лучше всего начать со слов императрицы Екатерины II уже после смерти Иоасафа Андреевича: «Что касается до Батурина, то замыслы его дела вовсе не шуточны. Я не читала после и не видала его дела, но мне сказывали наверное, что он хотел лишить жизни императрицу, поджечь дворец и, воспользовавшись общим смущением и сумятицею, возвести на престол великого князя. После пытки он был осужден на вечное заключение в Шлиссельбурге, откуда, в мое царствование, пытался бежать и был сослан на Камчатку, а из Камчатки убежал вместе с Беньевским, по дороге ограбил Формозу и был убит в Тихом океане».

Странно, что в книге С. В. Максимова «Сибирь и каторга» о Батурине всего лишь несколько строчек: «В 1749 году поручик Бутырского полка Иоасаф Батурин послан был в Камчатку за то, что предложил свои услуги великому князю Петру Федоровичу возвести его на престол при жизни тетки». Очень неполно, да и неточно.

Но вот некоторые подробности из современного уже источника: «...Батурин был подпоручиком Ширванского полка. После разжалования и ссылки в Сибирь долго тянул солдатскую лямку, снова дослужился до подпоручика,

теперь уже Шуваловского полка, размещенного под Москвой. И снова арест: «сумасшедший дворянин» пытался привлечь к участию в дворцовом перевороте мастеровых людей, за 25 лет до Пугачева поднимал народный бунт. Во время пребывания Елизаветы в Москве, летом 1749 года, Батурин, офицер полка, вызванного для усмирения рабочих людей суконной фабрики Болотина, задумал с помощью солдат и восьмисот бастующих мастеровых заточить Елизавету, убить Разумовского и возвести на престол Петра Федоровича — впоследствии Петра III. «Его высочество мог бы всякому бедному против сильных защищение иметь», — говорил Батурин.

«Московский агитатор» — назвали Батурина в одном из русских журналов в конце XIX века. «Агитатор» после «крепкого содержания» в тюрьме еще 16 лет, с 1753 до 1769 года, просидел «безымянным колодником» в Шлиссельбурге. Ночами в тюремном окне искал Батурин звезду своего императора, чтобы поговорить с ней. В 1768 году Батурин написал письмо Екатерине и за это по старинному пути колодников, через Сибирь и Охотский порт, прибыл в Большерецк в 1770 году... — все это вы можете прочесть в книге «Облик далекой страны» А. Б. Дэвидсона и В. А. Макрушина.

Увы... Многое было в этой истории совсем не так. По крайней мере, материалы Центрального государственного архива древних актов, где хранится дело «О подпоручике Иоасафе Батурине, замыслявшем лишить престола императрицу Елизавету в пользу великого князя Петра Федоровича», говорят о другом.

Иоасаф Андреевич был сыном поручика Московской полицмейстерской канцелярии. В 1732 году он поступил в Шляхетский кадетский корпус, а в 1740-м — выпущен прапорщиком в Луцкий драгунский полк и прослужил здесь семь лет.

В феврале 1748 года случилось так, что десятая рота, в которой проходил службу Иоасаф, осталась без командира, и Батурин по собственной инициативе принял командование ротой, полагая, что он этого вполне достоин. Но не тутто было — полковник Элнин уже назначил нового командира роты. Батурин принял того в штыки и заявил своему полковому командиру примерно следующее: «Напрасно-де, господин полковник, изволишь меня обижать. Я-де хороший командир и беспорядков у меня не видывали». И, к слову, добавил, что ежели его не назначат командиром, то он тогда будет вынужден просить у генерал-инспектора, когда тот прибудет в полк, аудиенции и покажет генерал-инспектору все непорядки в полку, а также расскажет все драгунские обиды. Полковник в бешенстве заорал: «Арестовать! Сковать! В «Тихомировку» его!» «Тихомировка» — полковая тюрьма, где, в нарушение устава, полковник Элнин уже однажды продержал прапорщика Тихомирова.

— Я такого не заслужил, чтоб меня ковать и в тюрьму сажать, — резко ответил Батурин и отказался сдать свою шпагу полковнику.

Тогда его посадили, согласно военным «регулам», под домашний арест. Батурин поначалу было смирился, но на следующий день пришел в полковую канцелярию и в при-

сутствии всех обер-офицеров обвинил полковника Элнина в государственной измене.

Как выяснило следствие, донос Батурина оказался ложным: единственный свидетель, прапорщик Федор Козловский отказался подтвердить обвинение Батурина в том, что Элнин оскорбил «блаженныя памяти вечно достойныя» покойную императрицу Анну Иоанновну, которая, по известным причинам, не жалела ничего для герцога Курляндского.

Но... «за те его непорядочные поступки велено лиша его Батурина прапорщичья чина и патента послать в казенные работы на три года, а по прошествии попрежнему в полк до выслуги в драгуны». И вот тут-то произошла роковая заминка, вероятно, в ожидании утверждения приговора на высшем уровне, и Батурина даже освободили из-под стражи, отдав его на поруки. Тут ему пришел и чин подпоручика в соответствии с «регулом» за выслугу лет. И все это было как ковш холодной колодезной воды, которую выплеснули всю без остатка на раскаленные камни души подпоручика без чина, арестанта-казенника, честолюбца, каких только поискать еще в отечественной истории. Но пришел приказ снова взять Батурина под караул.

Этот арест имел для Иоасафа Андреевича роковое значение — тут же в тайную канцелярию явились прапорщик Выборгского полка Тимофей Ржевский и вахмистр Пермского драгунского полка Александр Урнежевский и донесли, что Батурин подбивал их, заручившись поддержкой и денежной помощью великого князя Петра Федоровича, поднять фабричный московский люд и «находящихся в Москве Преображенских батальонов лейб-компанию», а там, дескать,

«заарестуем весь дворец — ...Алексея Григорьевича Разумовского где не найдем и его единомышленников — всех в мелкие части изрубим за то, что-де от него, Алексея Григорьевича, долго коронации нет его императорскому высочеству, а государыню-де императрицу до тех пор из дворца не выпускать, пока его высочество коронован не будет».

Что же имел против императрицы Елизаветы прапорщик Луцкого драгунского полка Батурин? Ничего. Он был согласен, чтоб «Ея императорское величество была при своей полной власти как ныне есть, а его бы высочество с повеления Ея императорского величества имел только одно государственное правление и содержал бы армию в лучшем порядке...». То есть Батурину нужен был на троне человек, который бы двинул вперед его, батуринскую, военную карьеру.

Весь гнев Батурина направлен был лишь против графа Разумовского. Что же его так раздражало? То, что Разумовский, сын простого казака, певчий императорского хора, оказался у кормила власти, любимцем императрицы? Допустим. Но что именно — зависть к успехам любовника-счастливчика или справедливое чувство гражданского негодования по поводу всех этих фаворитов-лизоблюдов, приближенных к трону, чувство, которое испытывали все истинные сыны Отечества, владело Батуриным? О России ли думал он, о застое, духовном и экономическом, который переживала страна?

А вот и ответ самого Батурина: «... хотел он, Батурин, показать его сиятельству свою услугу, но только он до его сиятельства не допущен и придворным лакеем из покоев его

сиятельства выслан с нечестью и думал он, Батурин, что так его нечестиво выслать приказал его сиятельство».

Вот так, а приласкал бы, приголубил — и никаких тебе кровавых заговоров.

Четыре года сидел Батурин в подземелье тайной канцелярии под крепким караулом, ожидая конфирмации, но ее не последовало — видимо, Елизавета была согласна с приговором, и в 1753 году Иоасаф Андреевич переведен в Шлиссельбургскую крепость, в одиночную камеру, на вечное содержание...

Через 15 лет, проведенных в одиночке, он передал с молодым солдатом Федором Сорокиным письмо, которое «полковник» просил передать самолично царю или царице.

Это было в 1768 году, когда уже правила Екатерина II.

Прочитав письмо Батурина, императрица очень разгневалась. Как посмели ей напомнить о том, кто столько лет приходился ей мужем и с кем было покончено раз и навсегда, чьи кости уже давно сгнили, как должна была сгнить и сама память, но ползут и ползут чьи-то лживые слухи о том, что он жив и — на тебе! — явится на суд божий...

17 мая 1769 года обер-прокурор Вяземский, исполняя монаршью волю, положил перед Екатериной указ о судьбе Батурина, где предписывалось «послать его в Большерецкий острог вечно и пропитание же ему тамо иметь работою своею, а притом накрепко за ним смотреть, чтоб он оттуда уйтить не мог; однако же и тамо никаким его доносам, а не меньше и разглашениям никому не верить».

«Быть по сему»,— начертала Екатерина, но точку в скитаниях Батурина судьба поставит еще не скоро.

Из Охотска на Камчатку Батурина отправили отдельно от всех на галиоте «Святая Екатерина», так что, вероятнее всего, он ничего не знал о намерениях Беньевского, Винбланда, Степанова и Панова захватить галиот «Святой Петр» и бежать на нем за границу.

Но в большерецком бунте Батурин принял самое активное участие, за что и получил в конце концов столь желанный и долгожданный чин полковника, в коем и числился по реестру экипажа мятежного галиота вторым по списку после своего предводителя.

И еще одна неточность в записках Екатерины Великой: не был Батурин убит в Тихом океане при ограблении Формозы, а умер 23 февраля 1772 года при переходе из Кантона во Францию.

Александр Турчанинов

Камчатка была местом политической ссылки многих государственных преступников. Во время царствования Елизаветы на Камчатку отправились прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка Петр Ивашкин, принадлежавший к знатному роду, крестник Петра Великого и баловень Анны Иоанновны; сержант лейб-гвардии Измайловского полка Иван Сновидов и камер-лакей правительницы Анны Леопольдовны, матери малолетнего Иоанна VI, Александр Дмитриевич Турчанинов.

Последний осмелился даже сказать вслух, что Елизавета Петровна не имеет наследственного права на российский престол, потому что они с сестрой Анной — внебрачные дети Петра от Марты Скавронской. А Иоанн VI — законный правнук царя Иоанна V Алексеевича, и его завещала короновать императрица Анна Иоанновна...

За эти «произносимыя им великоважныя, непристойныя слова» велено было вырвать Турчанинову язык, а всем троим — учинить жестокое публичное наказание на Красной площади, вырвать ноздри и сослать куда подальше. Александр Турчанинов на первых порах оказался в Охотске, Ивашкин — в Якутске, Сновидов — на Камчатке.

Но скоро от командира Охотского порта пришла бумага о том, «что Турчанинов, находясь в остроге, проел все свои деньги, которые у него были, теперь помирает с голоду, а кормовых ему не положено, пустить же его ходить по миру он боится, чтобы колодник не рассказал в народе тех слов, за что он был сослан».

Подивились в московском Сибирском приказе логике охотского командира — боится пустить по миру человека, у которого вырвали язык... И пожалели Турчанинова — поняли, что ретивый сей начальник заморит-таки несчастного колодника до смерти, и составили проект нового указа, по которому местом ссылки и Турчанинова, и Ивашкина определялась Камчатка. Каждый из них устраивал свою личную жизнь как мог. Сновидов примкнул к миссионерам и с их помощью завел в устье реки Камчатки солеваренный завод. Так он вышел в люди. Ивашкин сблизился с командиром Камчатки Василием Чередовым и стал в этот период фактическим правителем Камчатки. Потом, как это водилось, Чередов был отдан под суд, и Ивашкин остался без своего высокого покровителя.

Наступил и звездный час Александра Дмитриевича Турчанинова. На Камчатку прибыл, назначенный Сенатом, новый командир капитан-лейтенант И. С. Извеков. Такого изверга Камчатка не знала ни до, ни после: дело доходило до того, что личный секретарь Извекова боялся входить для доклада в покои командира, не имея за поясом заряженного пистолета или обнаженной сабли: действия и поступки Извекова были самые неожиданные, так что ни один человек в

Большерецке не мог предполагать, чем может закончиться для него встреча с командиром.

Каждый день в большерецкой канцелярии шла попойка — пили особо приближенные. Во главе стола восседал лучший друг Извекова — безъязыкий Александр Турчанинов. За пять лет владычества Извекова на водку и закуску ушло около семидесяти тысяч рублей.

К вечеру одуревшие от выпитого собутыльники выходили проветриться на единственную в Большерецке улицу, густо заросшую луговой ромашкой... Никто в этот час не смел даже выглянуть во двор: никому не хотелось быть избитым или искалеченным. Извекову все равно было, кто оказывался перед ним — ребенок или женщина, солдат или казак, он сразу начинал отыскивать, к чему бы ему придраться. И обязательно находил — и жертву по его приказу и на его глазах пороли, как на корабле, линьками.

Но мог командир и сам схватиться за оружие, чтобы расправиться тут же на месте: одному казаку Извеков перерубил нос своим офицерским кортиком, другому саблей разбил голову. Не было управы на зверюгу-командира — Охотску, как все прежние командиры, он не подчинялся, а Сенат не намерен был изменять свой указ.

В 1768 году на полуостров была завезена черная оспа. Она унесла тысячи жизней, а Извеков пил и палец о палец не ударил, чтобы сделать хоть что-то для спасения людей. Он только рассылал по камчатским селениям свои циркуляры о том, что нужно держать больных в теплых избах, кормить свежей рыбой и не поить холодной водой... Но некому было

ловить свежую рыбу, топить в избах печи, подавать больным теплую воду — обезлюдели многие селения, и в холодных избах лежали неубранные трупы, а оставшиеся в живых бежали куда глаза глядят.

Вот тогда-то и переполнилась в камчатской столице Большерецке чаша народного терпения, и 2 мая 1769 года казаки и солдаты, камчадалы и промышленники, чиновники большерецкой канцелярии и моряки с зимующего в Чекавке галиота «Святой Павел» подняли бунт против Извекова. Командир Камчатки безропотно сдал власть, но 19 мая в пять часов утра вместе со своими вооруженными компаньонами-собутыльниками захватил большерецкую канцелярию, выпустил из казенки арестантов и, заняв круговую оборону — выставив все имеющиеся в Большерецке пушки, — закатил пир на весь мир.

Жители Большерецка пошли на приступ и, выломав двери, ворвались в канцелярию, готовые к смертному бою с ненавистным Извековым и иже с ним. Но они увидели, что Извеков и все остальные защитники были вдрызг пьяны.

В тот же день на галиоте «Святой Павел» Извекова в кандалах отправили в Охотск, где он предстал перед судом и был разжалован в матросы.

Лишившись покровителя, немой Турчанинов вынужден был в унижении добывать пропитание, чтобы не умереть с голоду в остроге, где его все без исключения ненавидели за дружбу с бывшим командиром и за все те издевательства над людьми, где он был не только немым свидетелем, но и добровольным участником, а то и инициатором. И потому

как утопающий за соломинку ухватился Турчанинов за возможность послужить своему предводителю и бежать с ним хоть на край света. Так он оказался среди членов экипажа «Святого Петра» и дошел вместе со всеми до Макао, где и умер 10 ноября 1771 года.

Петр Хрущев

Загадочной фигурой был этот Петр Алексеевич Хрущев в стане большерецких заговорщиков. Единственный не принявший присяги на верность царевичу Павлу, не подписавший «Объявления». В пику социал-утопическим настроениям многих из заговорщиков он повез с собой в Европу рабов — камчадалов Паранчиных. Странно, но ему все прощалось. Более того, на галиоте он исполнял обязанности аудитора — военного следователя, судьи и прокурора. То есть ему было доверено вершить суд над членами экипажа галиота на основании тех законов, которых он не признавал и презирал, не скрывая этого от всех. Почему? Да потому что эти самые законы не признавал и презирал и лучший друг Петра Хрущева — Август Мориц Беньевский.

«Человек отличного ума... с большими познаниями», — характеризовал Хрущева Василий Берх, а ему об этом говорили те, кто помнил еще ссыльного Хрущева. Многие историки даже считают, что инициатива заговора и побега исходила именно от Петра Алексеевича. Думаю, что Беньевского и Хрущева не стоит разобщать — жили они вместе, думали, искали возможности захвата власти в Большерецке и бегства с Камчатки.

Хрущев был циником. Когда у бунтарей отрезали все пути назад, он продемонстрировал полное презрение ко всему, что еще вчера воодушевляло заговорщиков. Слыл он и честолюбцем. За что впервые поплатился в 1762 году, будучи поручиком лейб-гвардии Измайловского полка, когда решил, не считая себя хуже братьев Орловых, организовать новый дворцовый переворот. Кого же наметил он в русские цари? Петр III был убит Алексеем Орловым. Может быть, Павла? Но тогда почему Хрущев отказывается ему присягать? Значит, кого-то еще? Кого? Все того же бедного Иоанна Антоновича, из-за которого лишился языка и ноздрей Александр Турчанинов еще в 1742 году.

Заговор составили братья Гурьевы — Семен, Иван, Петр и братья Хрущевы — Петр и Алексей. Они хотели воспользоваться тем, что в рядах гвардии не было единого мнения о законности восшествия на русский престол немецкой принцессы Софьи Августы Ангальт-Цербстской... Но ведь Иоанн Антонович, принц Брауншвейг-Люнебургский, сын герцога Брауншвейгского, внук герцога Мекленбургского и только лишь правнук царя Ивана V — какая там русская кровь...

Тем не менее Хрущевы и Гурьевы вознамерились посадить на трон Иоанна как наиболее достойного, даже не подозревая, что Иоанн VI за двадцать лет одиночного заключения в секретной камере Шлиссельбургской крепости превратился в идиота.

Любопытно, что в следственном деле Гурьевых—Хрущевых очень много сходного с делом Иоасафа Батурина. И здесь, и там очевидна попытка выдать желаемое за действительное: увеличить число заговорщиков с пяти человек до

нескольких тысяч, намекнуть на то, что среди заговорщиков и князь Никита Трубецкой, Иван Федорович Голицын, кое-кто из сановных Гурьевых и даже Иван Иванович Шувалов, а всего 70 «больших людей».

Цель была проста — запутать как можно большее число людей, втянуть их в заговор, совершить переворот и получить от нового императора все, что льстило воспаленному честолюбию. Но только в Большерецке Хрущев насладился вволю плодами нового заговора и получил наивысшее в его понимании удовлетворение, откровенно противопоставив себя толпе бунтарей и заняв особое, привилегированное место при особе предводителя.

В Большерецке вместе с Хрущевым отбывал ссылку и Семен Гурьев. Сначала и он примкнул к заговору — как-никак восемь лет провел уже в камчатской ссылке, — но в бунте участвовать отказался категорически. К тому времени он был уже женат на дочери ссыльного Ивана Кузьмича Секирина и стал отцом. Когда-то именно Семен Селиверстович Гурьев организовывал дворцовый заговор. Петр Хрущев же был лишь на вторых ролях. Вторую роль, если не вообще второстепенную, играл он и в Большерецком заговоре. Все это задевало болезненное самолюбие Хрущеова, но в главари он так и не вышел.

Во Франции он поступил на службу капитаном корпуса волонтеров и отправился с Беньевским на Мадагаскар. Но в 1774 году вернулся в Россию, дождавшись прощения Екатерины II (по этому поводу есть уже другие факты, опубликованные Эдвардом Кайданьским в журнале «Вокруг света» № 12 за 1991 год).

Иван Рюмин

Это единственный из камчатских казаков, кто принял участие в бунте. Хотя был он вовсе и не казак, а разжалованный канцелярист, «бывший за копеиста», «шельмованный казак», как говорится о нем в документах.

Что привлекло в нем Беньевского? Видимо, то, что Иван Рюмин служил в большерецкой канцелярии и имел доступ к морским картам. Ключик же к Рюмину подобрать было нетрудно: шельмованный — это все равно, что обиженный. Оставалось только выяснить — кем. Но и это было не так уж сложно — все теми же Креницыным и Левашовым, которые подтолкнули к бегству с Камчатки командира галиотов «Святая Екатерина» и «Святой Павел».

Чем же не угодил им Иван Рюмин? А случилось так, что на следствии в 1766 году следователи секретной правительственной экспедиции пытались узнать у Рюмина все, что тому приходилось записывать со слов мореходов Савина Пономарева, Степана Глотова, Ивана Соловьева о Лисьих островах — Умнаке, Уналашке, Унимаке. Рюмин же ни с того ни с сего заявил, что ему ничего не известно об этих «новооткрытых» землях. Обман раскрылся, когда сами мореходы Глотов и Соловьев уличили Рюмина в том, что он писал под

их диктовку в 1764 году рапорт о «новооткрытых островах». Естественно, что все это не могло пройти Рюмину даром, и он был ошельмован — публично бит кнутом — и разжалован из канцеляристов в казаки.

Что-то не заладилось у Ивана и в отношениях с Беньевским — уже после того, как был оснащен галиот и готов в путь, штурман Чурин решает догрузить судно мукой, и Беньевский посылает в Большерецк за мукой Рюмина «с приказанием о немедленной доставке... под опасением жестокого наказания за ослушание». Поэтому мне не совсем ясно, по доброй воле или по принуждению отправился в то плавание Иван Рюмин вместе со своей женой, корячкой Любовью Саввичной.

На галиоте Рюмин исполнял роль вице-секретаря. Вместе с корабельным секретарем Спиридоном Судейкиным вели они путевой журнал, который стал фактически единственным правдивым документом о плавании «Святого Петра» в Охотском, Японском и Восточно-Китайском морях. Впервые «Записки канцеляриста Рюмина», которые можно было бы назвать «Путешествие за три океана», увидели свет в журнале «Северный архив» в 1822 году.

Супругам Рюминым выпала счастливая доля благополучно перенести все тяготы того путешествия и в 1773 году вернуться в Россию. Они вместе с Судейкиным поселились в Тобольске и, видимо, пошли по гражданской службе.

Яков Кузнецов

Среди промышленников, примкнувших к заговору, было и несколько камчадалов. Чем же их-то смог привлечь Беньевский? Землей Стеллера? Едва ли камчадалы шли на промыслы по воле своих старшин-тойонов да камчатского начальства, которое получало в казну ясак за каждого камчадала-промышленника на несколько лет вперед от купцов-нанимателей, да еще сверх ясака в собственный карман изрядный куш, а камчадалы потом отрабатывали за все купцу, получая половину заработанного, которая полностью уходила на пропитание, лопотинку-одежонку, обувку и долги семьи, которые накопились за годы отсутствия кормильца. Так что вряд ли смогли бы привлечь камчадалов сказки о земле Стеллера. Но они могли поверить в другое — в то, во что верили Степанов и Панов, — в существование островов, где люди живут свободно и счастливо, не ведая наказания и страха, нищеты и голода.

Почему я так уверен в этом? Да потому, что среди камчадалов-заговорщиков был один, кому кое-что могло быть известно о возможности существования таких островов. Это Яков Кузнецов, камчадал из Камаковского острожка на реке Камчатке. Когда-то этот острожек звали Пеучев или Шванолом,

но позже его прозвали Камаков по имени вождя Камака, примкнувшего к антихристианскому восстанию ительменов и коряков, которое подняли в 1746 году братья-камчадалы Алексей и Иван Лазуковы. После крещения Камак получил новое имя: теперь его все звали Степан Кузнецов.

Об Алексее Лазукове, предводителе восстания, ходили потом нехорошие слухи. Он с корякскими вождями Умьевушкой и Ивашкой перебили ясашных сборщиков в острожке Юмтином, который потом, после расправы над бунтарями, станет называться Дранкой. Собирался он напасть и на Нижнекамчатский острог, где располагалась партия миссионеров архимандрита Иоасафа Хотунцевского, насильно крестивших камчадалов и коряков. Вожди сговорились выступить в один день двумя отрядами — один по морскому берегу, другой по долине — и, объединившись, взять приступом острог. Но в самый последний момент случилось непредвиденное — Алексей и Иван Лазуковы пришли в Нижнекамчатск и добровольно сдались властям. Их расстреляли. Но о предательстве Лазукова долго еще говорили русские, камчадалы и коряки. Слишком уж хорошо все они знали Алексея — человека необыкновенного мужества, честного и справедливого.

А всему виной были эти самые острова. В 1741 году Алексей Лазуков пошел в море на казенном пакетботе «Святой Петр», побывал у берегов Америки, высаживался на Шумагинских островах и пытался разговаривать — он был толмачом на судне — с аборигенами-американцами, которые признали его за своего и даже не хотели отпускать. В декабре экипаж пакетбота

высадился на необитаемый остров. Чтобы выжить, каждый из экипажа, будь то офицер или простой толмач, должны были отказаться от всего того, что разделяло их в обычной жизни — от чинов, привилегий, чувств национального превосходства и сословных прав... И они выжили. Скроили из остатков пакетбота гукор и вернулись назад на Камчатку... Месяцы, проведенные на Командорском острове, Лазуков, должно быть, вспоминал очень часто. Эту счастливую историю передавали из уст в уста. Пережитое на островах чувство братства осчастливило и погубило Алексея Лазукова — не смог он повернуть оружие против тех, кто открыл ему новое понимание жизни, потому и предпочел он сдаться, зная, что не будет прощен ни палачом Хотунцевским, ни братьями своими по оружию и крови, которых он предал ради других своих братьев — по духу...

Такая вот история. И ее должен был знать Яков Кузнецов. Может быть, потому он и отправился в дальние края, чтобы найти такой же остров и устроить на нем такую же счастливую жизнь, какая явилась Лазукову...

Свой остров Яков Кузнецов найдет у африканских берегов: больного камчадала оставят в госпитале на Маврикии. С ним останутся такие же больные — камчадал Сидор Красильников и промышленники Козьма Облупин, Андрей Оборин и Михаил Чулошников. До Франции доберется потом только Облупин. Что стало с остальными — неизвестно (по этому поводу есть уже и другие факты, опубликованные Эдвардом Кайданьским в журнале «Вокруг света» № 12 за 1991 год). Но если заглянуть в справочники и узнать, насколько счаст-

ливой была жизнь в те времена на Маврикии, то выяснится, что 10 процентов населения острова составляли белые господа, 6 процентов — свободные люди разных национальностей, а остальные проценты приходились на долю рабов-африканцев. Не было, оказывается, ни в одном из двух пройденных ими океанов той земли, на которой можно было бы счастливо жить, не страдая и не печалясь...

Не отыскалось такого острова и в третьем — Атлантическом океане. На кладбище Лурианского госпиталя остался навсегда камчадал Ефрем Трапезников. А Прокопий Попов, добравшись наконец до Европы, пошел пешком в Париж, чтобы добиться разрешения вернуться на родину...

Дмитрий Бочаров

Многие историки писали в своих исследованиях, что штурманский ученик Дмитрий Бочаров был вывезен с Камчатки насильно. Нет, насильно были вывезены только штурманские ученики Герасим Измайлов и Филипп Зябликов, а Бочаров добровольно примкнул к заговорщикам. Он был командиром галиота «Святая Екатерина». В недавнем прошлом — помощник Максима Чурина, зимовал вместе со штурманом на Унимаке, где, вероятно, поддерживал своего командира в его спорах с Петром Кузьмичом Креницыным. Затем Чурин принял «Святого Петра», и на зимовку «Святой Петр» и «Святая Екатерина» пришли в Чекавинскую гавань.

Известно, что Дмитрий Бочаров был в числе тех, кто решал вопрос о бегстве с Камчатки на казенном галиоте. И он бежал на нем вместе с женой Прасковьей Михайловной и потерял ее в Макао, как и командира своего, Максима Чурина.

С ним бежали и матросы с галиота «Святая Екатерина» — Василий Потолов, Петр Софронов, Герасим Береснев, Тимофей Семяченков. Только Василий Потолов — матрос из «присыльных арестантов» последовал с Беньевским, остальные остались со своим командиром — Дмитрием Бочаровым. По возвращении в Россию Бочаров просил, чтобы

его оставили на морской службе в Охотске, но получил отставку, и местожительством ему определили Иркутск. Однако без моря Бочаров жить не мог и охотно дал свое согласие камчатским купцам-компанейщикам Луке Алину и Петру Сидорову повести на восток к богатым пушным зверьем островам промысловый бот «Петр и Павел». В числе компанейщиков Алина и Сидорова впервые пробовал свое счастье и молодой рыльский купец Григорий Шелихов — он тогда только примерялся еще, куда повыгодней пристроить капиталы своей жены, вдовы богатого иркутского купца, — как ему посоветовал дед жены Никифор Трапезников. В 1783 году Григорий Иванович приглашает Бочарова к себе и назначает его командиром галиота «Святой Михаил», который в тот же год в составе экспедиции пошел на Кадьяк основывать первое поселение будущей Русской Америки. На флагмане — галиоте «Три святителя» — шел вместе с Шелиховым командир судна штурман Герасим Измайлов, которого в конце мая 1771 года Беньевский оставил на необитаемом курильском острове Симушир. И в дальнейшем мореходные судьбы Измайлова и Бочарова будут неотрывны друг от друга.

Герасим Измайлов

Он был единственным в Большерецком остроге, кто пытался противодействовать бунтарям. Вечером 26 апреля 1771 года, совершенно случайно, Измайлов и Зябликов узнали, что Беньевский с ссыльными и промышленниками собираются убить командира Камчатки Нилова и бежать из Большерецка. Они тут же пошли в канцелярию, но к Нилову их не пустили. Когда штурманские ученики попытались рассказать обо всем караульному, тот не поверил, решив, что Измайлов с Зябликовым пьяны. Через час-другой они снова пришли, но караульный их опять не пустил. И вдруг на дворе кто-то испуганно закричал «караул!», в запертую дверь сильно ударили и потребовали отворить.

Зябликов с Измайловым спрятались в казенку за дверью. В тот же миг упала выломанная бунтарями дверь в сенях. Оттолкнув караульного, заговорщики прошли в спальню к Нилову. Вскоре оттуда донеслись шум, сдавленный крик, матерщина, удары... Потом Беньевский, Винбланд, Чурин, Панов — Измайлов узнал их по голосам — ушли.

Измайлов и Зябликов попытались незаметно ускользнуть, но караульные промышленники схватили Филиппа Зябликова, а Измайлову удалось незаметно выбраться из канцелярии, однако возле дома сотника Черных, где шла перестрелка, его обстреляли.

Вернувшись к себе на квартиру, Измайлов тотчас собрал людей, чтобы пойти с ними против бунтовщиков, но они настроены были нерешительно. Тогда обратились к секретарю Нилова Спиридону Судейкину. Тот в испуге замахал руками — только без крови! Его поддержали остальные. Пока рядили, спорили да переговаривались, пришли в дом к Судейкину Винбланд с Хрущевым и промышленниками, забрали все ружья, пороховое зелье, пули и приказали Измайлову быть тотчас на площади у большерецкой канцелярии, где Бейпоск собирал всю команду галиота «Святая Екатерина», на котором Герасим был помощником у Дмитрия Бочарова.

На площади присягали царевичу Павлу. Измайлов и Зябликов отказались от присяги, и их обоих посадили в башню большерецкой канцелярии, а потом вместе с другими арестантами — в числе которых был и Спиридон Судейкин — вывезли в Чекавинскую гавань и держали в трюме галиота «Святая Екатерина» под караулом, пока готовили к отплытию «Святого Петра».

Нужно сказать, что Беньевскому удалось все же сломить того и другого — под «Объявлением» стоят подписи обоих. Может быть, для отвода глаз — оба собирались бежать с галиота на байдаре матроса Львова, которого обещали отпустить перед самым выходом «Петра» в море, но ничего не получилось. Львов ушел один, и бросаться за ним вплавь было слишком рискованно: по реке шла шуга.

Зябликов ушел с Беньевским и умер в Макао, а Измайлов остался на необитаемом острове вместе с Паранчиными. Это случилось 29 мая 1771 года.

Им было оставлено три сумы провианта, ружье «винтовантое», у которого была сломана ложа; пороха и свинца фунта с полтора; топор, фунтов десять прядева, четыре флага, пять рубашек (одна холщовая, три дабяных), два полотенца, одеяло, собачья парка, камлея, фуфайка со штанами...

2 августа на трех байдарах пришли на Симушир промышленники во главе с купцом Никоновым. Измайлов потребовал, чтобы его немедленно доставили в Большерецк. Вместо этого Никонов забрал Паранчиных и отправился с ними и своими людьми дальше — на восемнадцатый остров Уруп — промышлять морского зверя.

«Питаясь морскими ракушками, капустою и прочим», обменяв с никоновскими зверобоями всю теплую одежду, которую оставил ему Беньевский, на продукты, остался Измайлов на острове один-одинешенек, как Робинзон Крузо. Потом, правда, прибыли на остров промышленники купца Протодьяконова — с ними и прожил Измайлов тот год, а в июле 1772 года Никонов доставил его на Камчатку. В Большерецке Измайлова и Паранчина арестовали и отправили под караулом в Иркутск.

Дмитрий Бочаров, обогнув Азию и Европу, прожив больше года во Франции, отправлен был из Петербурга на место своего нового жительства — в Иркутск 5 октября 1773 года.

Герасим Измайлов в награду за свое радение перед матушкой-царицей получил высочайшее повеление о своем освобождении из-под стражи 31 марта 1774 года. А еще через два года он, как и Бочаров, поведет на Алеутские острова промысловый бот Ивана Саввича Лапина и на Уналашке

в 1778 году встретится с Джеймсом Куком, который с большой симпатией отзовется потом об этом русском мореходе в своем путевом дневнике.

В 1781 году Герасим Алексеевич вернется в Охотск и здесь он будет приглашен на службу к Григорию Ивановичу Шелихову: поведет на Кадьяк галиот «Три святителя». С 30 апреля по 15 июля 1788 года Герасим Алексеевич Измайлов и Дмитрий Иванович Бочаров опишут на нем побережье Русской Америки от Кенайского полуострова до бухты Льтуа, открыв при этом заливы Якутаг и Нучек. Там, где побывали русские землепроходцы и мореходы, они «зарывали в землю медные доски с российскими гербами и надписью: «Земля Российского владения»...

На этом я хочу закончить свой рассказ о членах экипажа галиота «Святой Петр». Известно о них не так уж и много. Но и в этих неполных заметках видны их нелегкие и вместе с тем созвучные веку судьбы незаметных людей, усилиями которых вершилась история Российской империи.

Экипаж мятежного галиота

ЭДВАРД КАЙДАНЬСКИЙ
Журнал «Вокруг света» № 12 за 1991 год

Публикация очерка С. Вахрина «Экипаж мятежного галиота» (№ 2-3 за 1990 г.) вызвала много читательских откликов. Среди них оказалась и пространная статья польского историка Э. Кайданьского. Сведения, собранные им, проливают новый свет на полную загадок одиссею камчатских острожников. Печатаем эту статью с незначительными сокращениями.

С большим интересом прочитал я статью Сергея Вахрина «Экипаж мятежного галиота». Я автор многих статей в польских и иностранных изданиях и двух книг о Бениовском (Автор предлагает свое написание этой фамилии (Здесь и далее примечание редактора)), который — несмотря на споры — всегда был для Польши в какой-то степени национальным героем, в частности, благодаря литературной легенде, созданной, между прочим, одним из выдающихся польских поэтов — Юлиушем Словацким. Конечно, память, в особенности память народа, а тем более литературная легенда и историческая правда — совершенно разные вещи. Мне кажется, что очень долго — ведь прошло уже два столетия после событий, в которых участвовал Бениовский, — на научные исследования ложилось тенью политическое

значение тех или иных фактов из его биографии — например, его отношение к проблеме рабства во французских колониях.

Моя книга «Необыкновенное морское путешествие «Св. Петра и Павла», вышедшая в Польше в конце 1989 года, сейчас переводится на английский язык. Она посвящена побегу Бениовского и его товарищей с Камчатки в Китай. Подготовка материала для этой книги заняла почти десять лет. Я начинал поиски данных о Бениовском в китайском Кантоне (Гуанчжоу. — Ред.) и в португальском Макао в 1980 году, причем много неизвестных до сих пор сведений удалось найти в архивах Франции, Великобритании, Голландии, Португалии и Японии.

8 августа 1772 года «Варшавские ведомости» напечатали донесение из Москвы и Петербурга о побеге камчатских ссыльных в Китай. Оно кончалось следующими двумя фразами: «И на самом деле, это их случайное плавание оказалось гораздо более успешным, чем плавания других мореходов, преднамеренно ищущих этого прохода. Это будет великим делом в истории мореплавания, что какая-то кучка уголовников открыла этот путь, весьма необходимый, через обширные моря, о котором целые нации столь долгое время не могли ничего узнать».

Возможно, автором этих строк действительно был генерал-прокурор князь А. А. Вяземский, который по поручению Екатерины II освещал в иностранной прессе причины мятежа и ликвидацию его последствий. Если так, то Вяземский прав — побег Бениовского и его товарищей, первыми проторивших путь с Камчатки в Китай и обративших таким

образом внимание иностранных морских держав на неизвестный им доселе «Восточный океан», явился важным событием хотя бы потому, что в конечном счете привел сюда английские, испанские, американские и французские суда и поставил вопрос о конкуренции, на что много лет назад обратил внимание профессор А. И. Андреев.

В своей книге я затронул другую проблему, которая весьма четко прослеживается при чтении рукописного второго тома мемуаров Бениовского, то есть дневника его плавания с Камчатки в Макао: ведь если это плавание проходило так, как это день за днем описано и зарисовано в его дневнике, тогда Бениовский, Чурин, Бочаров и остальные предстают перед нами как первооткрыватели неизвестных земель, а не «кучка уголовников», поднявших мятеж и бежавших по приказу своего бессовестного предводителя.

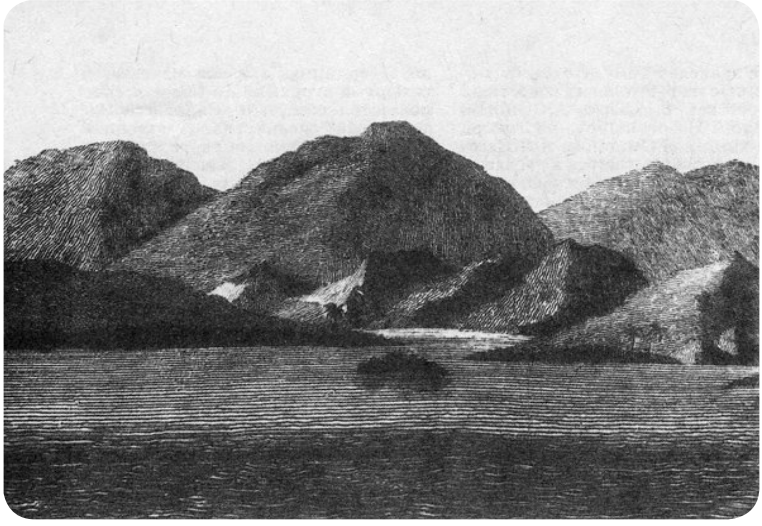
Г-н Вахрин правильно подметил, что причины бегства мятежников — и я добавлю: не исключая самого Бениовского — носили не романтический, а трагический характер. Каждый из них имел свой повод, чтобы бежать, и каждый хотел иначе устроить жизнь после обретения свободы. Я думаю, что большинство из них видело свое будущее на Ликейских островах или на Формозе (По данным китаистов, так в древности именовалась группа мелких островов вокруг острова Люцюю, расположенных у юго-западного побережья Тайваня (Формозы).) и хотело, выражаясь словами Бениовского, «учредить поселение на Алеутских островах для ведения прибыльной торговли пушниной, открыть торговлю с Японией, учредить поселения на Ликейских островах и наконец европейскую колонию на острове Формоза».

А для этого Бениовскому нужно было заручиться поддержкой какого-либо европейского государства. Такие проекты, частично известные властям уже во время следствия, при общей секретности всех мероприятий, связанных с «тайными экспедициями», не могли не вызвать противодействия со стороны русского правительства, и мы знаем, что так оно и было. Полная секретность дела о побеге привела к тому, что факты, почерпнутые из работ таких известных авторов, как В. Н. Берх, А. Сгибнев, Д. Блудов, Н. Боголюбов, не говоря уже о книгах Н. Смирнова и Л. Пасенюка, не всегда остаются в согласии между собой и с другими доступными источниками. Здесь много противоречий и разногласий.

Приведу хотя бы пример с судном, на котором бежали мятежники. Мною принято его название «Св. Петр и Павел», хотя, как известно, Берх и Сгибнев называют его «Св. Петром». Берх утверждает, что это было маленькое, «плоскодонное» судно, Сгибнев — казенный галиот. Некоторые авторы считают, что на Камчатке и в Охотске вообще не было корабля, именуемого «Св. Петром и Павлом», несмотря на то, что уже Виллиам (В тексте сохранено авторское написание имен) Кокс писал в 1780 году о купеческом судне с таким названием.

Если вчитаться в «Исторический табель о морских компаниях, отправляемых на звериные промыслы на острова Северовосточного моря и далее...», приведенный в книге академика А. В. Ефимова «Из истории русских экспедиций на Тихом Океане», то окажется, что Бениовский вовсе не лгал — это был тот самый «Св. Петр и Павел» («Святые Апостолы Петр и Павел», согласно книге профессора

А. И. Андреева), построенный морской компанией купцов Григория и Петра Пановых, Арсения Кузнецова и других. Его в 1764 году повел в первое плавание на Алеутские острова мореход Иван Соловьев. Согласно мемуарам Бениовского, второй раз судно поплыло из Нижнекамчатска на Лисьи острова в 1767 году с купцом Арсением Кузнецовым, вернувшись в 1770 году с богатой добычей — 9000 бобровых шкур и 3000 лисьих. «Табель» уточняет, что итогом компанейского промысла было на этот раз 4524 бобровых и 504 медвежьих шкуры, 3991 бобровый хвост (последние являлись очень ценным товаром в русской торговле с Китаем, так как из них выделывались лучшего качества кисти для письма), что дает в сумме 9019 штук.



Вид побережья Чукотского полуострова у Мечигменской губы. С рисунка Бениовского.

Нет у исследователей и единого мнения в вопросе о размерах судна. Некоторые авторы ссылаются на английского агента в Кантоне, который решил, что его водоизмещение должно было составлять 80 тонн. Хотя для примера Н. П. Боголюбов приводит другую цифру — 400 тонн. При этом не следует забывать, что иллюстрации к книге «Граф Мориц Беньовский. Историческая быль» подготовлены известным художником-маринистом, профессором А. Р. Боголюбовым, которого рискованно подозревать в незнании истории русских кораблей. Сам Бениовский говорит в мемуарах о судне водоизмещением 240 тонн, 11 футов посадки до ватерлинии, с тремя мачтами и четырьмя якорями. Но самое веское доказательство, что «Св. Петр и Павел» был сравнительно большим судном, недавно обнаружилось в японских архивах. Когда Бениовский в третий раз приблизился к японским берегам у княжества Ава, на острове Сикоку, японские береговые власти составили протокол и присоединили к нему рисунок «Св. Петра и Павла». Напомню, что за переводчика был у него Дмитрий Бочаров, который после пребывания в иркутской навигационной школе немного знал японский язык. Согласно японским данным, судно имело в длину 20 хиро (36,2 метра), что отвечает водоизмещению более 300 тонн. На рисунке же показано трехмачтовое судно с четырьмя якорями и довольно сложным, особенно заинтересовавшим японцев, рулевым устройством.

Доказывать подлинность фактов в мемуарах Бениовского не так-то просто. Судить об их достоверности нельзя только на основании противоречий и неточностей в так называе-

мой «вводной части» мемуаров. Ипполит Степанов не был единственным участником мятежа, которому англичане предложили поездку из Макао в Лондон. (Спрашивается, зачем?) Немного позже, в 1776 году, прибыл туда же завербованный Джоном Гиацинтом Магелланом, другом Жозефа Банкса, научного советника короля Георга III и главного организатора третьей экспедиции Джеймса Кука в Тихий океан (во время которой он посетил Алеутские острова и Камчатку и прошел через Берингов пролив), Адольф Винбладт (он же Винбланд в русских источниках).

Джон Магеллан — интереснейшая личность. В 1772 году, когда беглецы прибыли во Францию, он был главным секретарем князя д›Аквиллона, премьер-министра и министра иностранных дел Франции. Это ему Бениовский передал тайные бумаги из большерецкого архива. Потомок известного португальского мореплавателя, бывший монах, человек всесторонне образованный, Магеллан, как и Бениовский, любил приключения.

Мне не удалось найти подтверждения тому, что Магеллан был, откровенно говоря, английским агентом и бумаги Бениовского без ведома французских властей привез в Англию.

Настоящие сведения об экипаже «Св. Петра и Павла» собраны мною главным образом в парижских архивах, где хранятся французский колониальный и морской фонды, и в отделе рукописей библиотеки Британского музея. После занятия англичанами французского острова Иль-де-Франс (в настоящее время — Маврикий) там найдена уцелевшая часть губернаторского архива, перевезенная затем в Англию.

Среди документов оказался отчет — к сожалению, анонимный, о вторичной высадке Бениовского на Мадагаскаре с целью освобождения острова от французов в 1785 году и о карательной экспедиции, высланной с Иль-де-Франса, в результате которой Бениовский был убит 23 мая 1786 года. Второй важный документ — рукописная книга Бениовского, сохранившаяся в тисненном золотом красном кожаном переплете и представляющая почти полную запись событий на Мадагаскаре в 1773—1776 годах, или, иначе говоря, третий том мемуаров. Согласно мемуарам, судно отплыло из Чекавинской гавани, имея на борту 84 человека (всего было их 96, но 12 человек — заложников — Бениовский отпустил в последний момент). Из опубликованной выдержки из дневника Рюмина выходит, что в Макао прибыло 70 человек, такое же число называет Степанов. Если принять во внимание, что Герасима Измайлова и чету Паранчиных Бениовский оставил на острове Беринга (или на Симушире, как считают другие), а Василий Панов, Иван Попов и Иван Логинов убиты туземцами на Формозе, и что 6 человек во главе с Лапиным решили, согласно мемуарам, остаться на Ликейских островах, то число прибывших в Макао составит около 70 человек. Только 8, вместе с Бениовским, оказались здоровы. Число умерших в Макао, главным образом от холеры, брюшного тифа или другого желудочного заболевания, составило, как отмечено в мемуарах Бениовского, 23 человека, по данным Рюмина — 15. Здесь нет какого-либо обмана, просто Бениовский учел Батурина и других, которые, согласно Рюмину, умерли уже в пути из Макао на Иль-де-Франсе. Впрочем,

в этом списке Бениовского числятся многие лица, отмеченные в следственном деле, такие, как штурман Максим Чурин, штурманский ученик Филипп Зябликов, капрал Иван Перевалов с женой и сыном Иваном, матрос Григорий Волынкин.

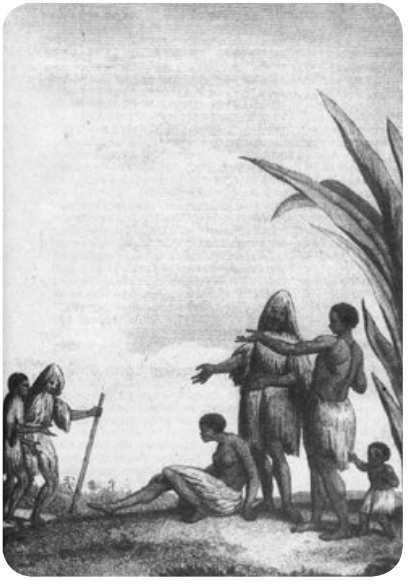
18 июля 1772 года французские суда, везущие беглецов, стали на якорь у острова Иль-де-Круа перед входом в Порт-Луи. Бениовский написал два письма: одно князю д'Аквиллону, в котором известил его, что плывет во Францию с бежавшими с Камчатки «венгерскими и польскими офицерами и солдатами», второе — австрийскому послу Марии Терезы в Париже, графу Мерси-Аргентау. Последнего он извещает, что хочет передать ему копию тайного документа, касающегося русско-английских отношений. Позже Бениовский признает, что большинство его экипажа — русские, но пока что не может себе это позволить: ведь Франция одна из стран, поддерживающих Барскую конфедерацию в борьбе против русского вмешательства в польские дела.

Впрочем, часть русских беглецов приняла в Макао католичество, возможно, формально и без всякого натиска со стороны Бениовского, имевшего весьма свободные для XVIII века религиозные взгляды: он был крещен в католическом костеле, венчался в протестантской кирхе под Краковом и вставал на колени перед православной иконой Николая Чудотворца. Но, как сообщают португальские источники, дело в том, что в Макао до 1811 года не хоронили некатоликов, и это был главный повод для крещения больных, которые получили при этом католические метрики.

Согласно сведениям А. Сгибнева, во Францию прибыло 40 человек: 37 мужчин и 3 женщины. Тут Бениовский нашел

своего дядю, Гвидона де Бениов, старого заслуженного солдата, коменданта французского города и замка Бар-ле-Дюк. Дядя и поручился за него, доставив князю д›Аквиллону письменную рекомендацию. Я имел возможность читать переписку между Гвидоном де Бениов и князем д›Аквиллоном, которая по настоящее время хранится в парижских архивах, и должен сказать, что нет никаких оснований подозревать Бениовского, что он «выдумал своего дядю», обманув таким образом французское правительство.

Благодаря помощи родственника Бениовский получил возможность привезти во Францию свою жену Анну Зюзанну и ее сестру Жанетт Хеньски. Обе поедут потом вместе с ним и его волонтерским корпусом на Мадагаскар. Сын Самуил, родившийся в 1768 году уже в отсутствие Бениовского, умрет накануне приезда французских курьеров.



Мадагаскарские рабы, предназначенные для продажи, перед высадкой на Иль-де-Франс. Рисунок из первого издания мемуаров Бениовского.

Кроме самого Бениовского, «венгерского полковника», в нем числятся четыре «венгерских офицера»: майор Адольф Винбладт, капитан Петер Хрустовски (он же в других документах — Кромстовски), лекарь-хирург Магнус Медери и подпоручник Грегориус Ковач. Винбладт, как известно, был шведом, участником Барской конфедерации, как и ссыльный лекарь адмиралтейства в Петербурге Медер (в следственном деле он назван Мейдером). Остальные две фамилии расшифровать не так трудно: Петер Хрустовски — это капитан Петр Хрущев, а Грегориус Ковач — Григорий Кузнецов («ковач» по-венгерски и «коваль» по-польски— это «кузнец»).

8 января 1773 года все четверо письменно выражают свою благодарность князю д'Аквиллону. В документах появляется указание будущего направления корпуса волонтеров — «за мыс Доброй Надежды». Только в марте 1773 года им станет известно, что Франция может выслать сформированный корпус только на Мадагаскар. Надо полагать, что и сам Бениовский, и его товарищи, особенно те, которые по болезни вынуждены были дольше оставаться на острове Иль-де-Франс, знали, что Мадагаскар — это не рай, подобно Ликейским островам, и даже не сравнительно менее привлекательный «прекрасный остров» Формоза, а прежде всего — убийственный тропический климат и болезни, от которых почти нет спасения.

На встрече с Бениовским в начале апреля 1773 года 17 человек решили вернуться в Россию. Принять такое решение после камчатских событий, несомненно, помогло им письмо

Степанова, составленное в Макао, в котором он взял на себя всю вину за случившееся. 10 апреля они отправились в Париж, получив от Бениовского согласие и «венгерские паспорта» (вероятно, какие-то документы для французских властей). Судьба этих 17 человек известна сравнительно хорошо. Среди них: секретарь большерецкой канцелярии Спиридон Судейкин, бывший канцелярист Иван Рюмин с женой, штурманский ученик Дмитрий Бочаров, матросы Петр Сафронов и Герасим Березнин, арестант Василий Лапин, промышленники Лапин и Попов, коряк Брехов и еще пять без указания фамилий рабочих купца Холодилова.

Добавлю только, что в 1794 году другой польский пленник, участник восстания Костюшко генерал Юзеф Копец, был сослан указом Екатерины II в Большерецк и там встретил Брехова и двух камчадалов — Сидора Красильникова и Ефрема Иванова, и те рассказали ему правду о своих приключениях с Бениовским на Камчатке и в пути из Камчатки в Макао. Этот рассказ, записанный Копецом со слов камчадалов в дневнике, поныне хранящемся в рукописи в одной из краковских библиотек, весьма отличается от приведенного Сгибневым следственного отчета.

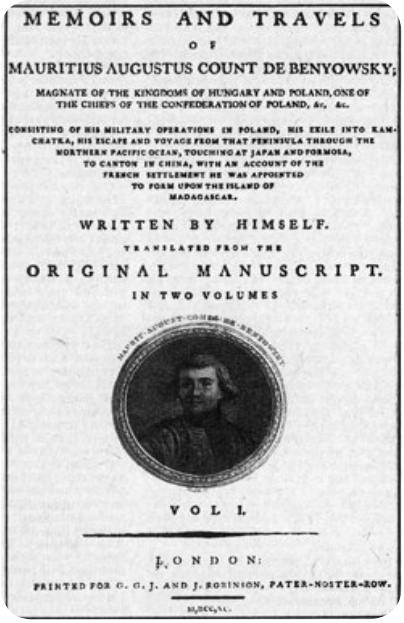
Но как же решились судьбы тех 23 человек, которые остались с Бениовским?

12 апреля Бениовский оформляет первую группу волонтеров, которые поплывут вместе с ним на Иль-де-Франс на судне «Маркиза де Мербиф». В списке числятся подпоручик Григорий Кузнецов-Ковач, хирург-майор Магнус Медер и 9 рядовых волонтеров с Камчатки: Леонтий Попов, Василий

Рыбников, Степан Новожилов, Никита Козинцев, Иван Кудрин, Алексей Андреанов, Василий Потолов, Алексей Чулошников и некто Жан Жозеф — по всей вероятности, 14-летний сын священника Иван Устюжанинов. Фамилии Леонтия Попова, Рыбникова, Новожилова и Козинцева А. Сгибнев не упоминает.

Самая интересная личность в этом списке — Степан Новожилов. Ведь в мемуарах Новожилов фигурирует как начальник большерецкой канцелярии, второе лицо на Камчатке после Нилова, «канцлер», как его называет Бениовский. Еще один — Григорий Новожилов числится в списке умерших в Макао. В документе из парижского архива говорится о том, что Бениовский взял с собой на судно какое-то очень важное лицо. И можно было бы, конечно, посчитать это за наглую ложь, если бы не одно обстоятельство: в своем дневнике Степанов говорит о том, что на судне находились также «один канцлер и один секретарь»!

«Маркиза де Мербиф» находилась в Лорьяне до 22 апреля 1773 года. Между тем получивший 20 февраля чин майора в корпусе волонтеров Винбладт вынужден был лечь в больницу. Бениовский вносит предложение произвести некоторые персональные изменения. Морской министр соглашается, и таким образом на место Винбладта назначается француз — капитан Мариньи, произведенный в чин майора, а подпоруник Кузнецов-Ковач производится в поручики. Это повышение сыграет потом значительную роль в его короткой жизни.


MEMOIRS AND TRAVELS
OF
MAURITIUS AUGUSTUS COUNT DE BENYOWSKY;
MAGNATE OF THE KINGDOMS OF HUNGARY AND POLAND, ONE OF THE CHIEFS OF THE CONFEDERATION OF POLAND, &c. &c.
CONSISTING OF HIS MILITARY OPERATIONS IN POLAND, HIS EXILE INTO KAMCHATKA, HIS ESCAPE AND VOYAGE FROM THAT PENINSULA THROUGH THE NORTHERN PACIFIC OCEAN, TOUCHING AT JAPAN AND FORMOSA, TO CANTON IN CHINA, WITH AN ACCOUNT OF THE FRENCH SETTLEMENT HE WAS APPOINTED TO FORM UPON THE ISLAND OF MADAGASCAR.
WRITTEN BY HIMSELF.
TRANSLATED FROM THE
ORIGINAL MANUSCRIPT.
IN TWO VOLUMES
VOL I.
LONDON:
PRINTED FOR G. G. J. AND J. ROBINSON, PATER-NOSTER-ROW.
MDCCLXXXIV.

Титульный лист первого английского издания мемуаров Бениовского.

Судно, на котором находятся Бениовский, Кузнецов и другие, прибудет на Иль-де-Франс ровно через пять месяцев — 22 сентября 1773 года. А тем временем во Франции происходит интересное событие. Командир 2-го и 3-го корпуса капитан Хрустовский подает заявление, в котором просит разрешения перед отправкой на Мадагаскар жениться. Его избранницей окажется, как это вытекает из документов, некая «мадам де Рик, вдова одного из русских офицеров, сосланных на Камчатку и умерших во время путешествия». Тогда умерло два русских ссыльных офицера — полковник Батурин и капитан Панов, но оба, насколько известно, отправились из Камчатки без жен. Однако таинственную мадам де Рик тем не менее удалось сравнительно легко найти.

Среди трех женщин, прибывших с Бениовским во Францию, одна была женой Рюмина, уехавшей уже в Россию, вторая — женой Андреанова, находящейся в это время в пути на Мадагаскар на «Маркизе де Мербиф», а третья... это Ульяна Захаровна Чурина, потерявшая мужа, штурмана или капитана Максима Чурина, в Макао.

28 апреля 1773 года князь д'Аквиллон обращается к министру морских дел и колонии маркизу де Бойнэ с предложением выдать «мадам Крумстовски» специальное денежное пособие по случаю ее повторного выхода замуж. Свадьба состоится через несколько дней, и поставленный в известность об этом событии король дает личное согласие на выплату молодоженам 2000 ливров из королевской казны.

Вторая группа волонтеров отправляется на Иль-де-Франс тремя месяцами позже на корабле «Лаверди», на том самом, на котором мятежники прибыли из Макао в Лорьян. Кроме четы Хрущевых на нем поплывут Андрей Казаков, Тимофей Семяченков, Андреи Оборин, промышленник Москалев, камчадал Яков Кузнецов и два ссыльных поляка—Урбановский и Войнович, имена которых, к сожалению, не сохранились. Из всей этой группы только Урбановский будет несколько раз фигурировать в документах и в мемуарах как инженер, занятый при строительстве фортов на Мадагаскаре.

Г-н Вахрин пишет, что Хрущев вернулся в 1774 году в Россию, дождавшись прощения Екатерины II. Скорее всего, вернулась Чурина-Хрущева, овдовевшая вторично 16 марта 1774 года. Согласно французским документам, Петр Хрущев умер от мадагаскарской желтой лихорадки через три месяца

после своего приезда на остров. Эта лихорадка косила не только не привыкших к тропическому климату жителей холодной Камчатки. Умер родившийся уже на Мадагаскаре второй сын Бениовского — Мориц.

Бениовский был — и это прекрасно видно из документов — ярым противником рабства, человеком прогрессивным и свободомыслящим. Он был против торговли рабами, но за свободу вероисповедания в католических странах. В первом английском издании мемуаров, выпущенном в 1790 году, Бениовский мечтал создать европейские поселения на Формозе. В пунктах 10 и 11 говорится о свободе религий и о способах освобождения от рабства. Именно это и вызвало возмущение губернатора Иль-де-Франса Тернейя и генерала Беллекомба, присланного из Франции для инспекции. Французские колонизаторы острова Иль-де-Франс привыкли к поставкам дешевого «черного товара» с Мадагаскара, получая его в обмен на оружие и другие изделия от местных вождей, чему Бениовский категорически воспротивился, наложив арест на суда работорговцев. Власти Иль-де-Франса пускают в ход интриги. В 1776 году Бениовский берет отпуск и втайне от шпионов губернатора Иль-де-Франс отправляется во Францию искать справедливости в Версале. Вместе с ним едут его жена Анна Зюзанна, Жанетта Хеньски и адъютант Григорий Кузнецов. Бениовский предлагает королю создать на Мадагаскаре независимое государство путем объединения живущих там племен, которое сотрудничало бы с Францией. При этом он представляет смету на три миллиона ливров для покупки судов, поставки товаров

и оплаты ремесленников, нанимаемых во Франции. Полученную сумму он обязуется возвратить товарами в течение трех лет. Французские власти не принимают проекта, но Бениовского щедро при этом вознаграждают за предыдущую деятельность — он получает звание бригадного генерала, крест Св. Людовика и большую сумму, не считая постоянной пенсии 4000 ливров.

В Париже Бениовский встретил своего товарища по оружию Казимежа Пулаского, который как раз готовился к отъезду в Америку, чтобы во главе своего легиона принять участие в борьбе за независимость Соединенных Штатов. Североамериканцы нуждались в опытных офицерах, которых на территории Франции вербовал известный американский политический деятель, дипломат и ученый Бенджамин Франклин, в то время дипломатический представитель Соединенных Штатов во Франции. Григорий Кузнецов, только что получивший чин капитана французской армии, просит Бениовского отпустить его служить в легионе Пулаского. Франклин, подружившийся с Бениовским и нашедший в нем прекрасного партнера для шахматной игры, порекомендовал Грегора Ковача Джорджу Вашингтону, и Ковач впоследствии занимал ряд ответственных постов в легионе Пулаского. В письме от 9 января 1778 года Пулаский пишет Вашингтону, что «полковник Ковач является человеком с очень большими достоинствами», и предлагает продвинуть его по службе. Григорий Кузнецов погиб в стычке у города Чарлстон 12 мая 1779 года.

Пройдет несколько лет, пока Бениовский не отправится вновь на Мадагаскар, заручившись финансовой поддержкой

англо-американской компании, с целью освобождения острова от французов и постройки на нем своего «Государства Солнца». После высадки на западном берегу Мадагаскара к нему перейдет часть его бывших волонтеров из гарнизонов и фортов восточного побережья. Среди них будет и Жан Жозеф — сын священника с Камчатки Иван Устюжанинов. Позже, уже в начале XIX века, В. Н. Берх узнает от Михаила Матвеевича Булдакова, директора Российско-Американской Компании, что сын протопопа Алексея Устюжанинова будет свидетелем смерти Бениовского в 1786 году на Мадагаскаре, затем Устюжанинов в 1789 году вернется в Сибирь и станет работать в Нерчинском Заводе.

Вот и все, что я могу добавить к истории экипажа мятежного галиота. Г-н Вахрин прав, говоря, что о Бениовском написано так много, что совершенно уже нельзя понять, какой же он был на самом деле. А может быть, наоборот — написано еще чересчур мало?

Об этом событии, происшедшем более двухсот лет назад, написано немало. Но несмотря на обширную литературу, оно остается одним из наименее изученных эпизодов нашей истории. Речь идет о так называемом бунте Беневского.

Конец XVIII века. Самый отдаленный восточный край Российской империи — Камчатка, ее бывшая столица — Большерецкий острог, сорок обывательских домов, церквушка, канцелярия. Так случилось, что к началу 70-х годов судьба свела сюда десятки разных людей: казаков и солдат, купцов и посадских, промышленников и ссыльных.

Осенью 1770 года на Камчатку прибыли два транспортных судна, галиоты «Святой Петр» и «Святая Екатерина», с очередной группой секретных арестантов на борту.

Поляк Маурициий Беневский, швед Адольф Винбладт, отставной ротмистр бывший помещик Ипполит Степанов, бывшие поручики Иоасаф Батурин и Василий Панов еще в дороге составляли план побега и в городе Охотске сумели раздобыть оружие. Но эти люди, будь они и семи пядей во лбу, не смогли бы произвести и сотой доли тех беспорядков, которые произошли в Большерецке, не сложись там определенных условий для недовольств и бунта. Промышленники, обозленные самодурством начальства, жадностью купцов, конфликтами с обывателями, проклинавшие свою долю и весь божий свет, увидели во вновь присланных арестантах товарищей по несчастью, а значит, единомышленников и союзников.

В ночь на 27 апреля 1771 года промышленные люди купца Холодилова, возглавляемые приказчиком Михаилом Чулошниковым, и ссыльные во главе с Беневским, вооруженные, ворвались в дом камчатского командира капитана Григория Нилова. Никто из казаков и солдат, находившихся в ту ночь в комендантском доме, не пытался оказать сопротивление. Капитану Нилову не раз сообщали об «озорничествах», «чинимых» ссыльными. Можно, конечно, сославшись на его постоянное пьянство, допустить, что он не сумел вовремя понять взрывоопасности складывающейся ситуации. Но ведь накануне бунта в канцелярию приходили штурманские ученики Измаилов и Зябликов, предупреждая караульных, «что де будет худо», и, тем не менее, никаких мер предосторожности предпринято не было. Измаилов объяснял это тем, что караульный солдат Еварлаков был пьян, тот же утверждал обратное. Теперь невозможно разобраться, кто прав. Но казаки, разбуженные среди ночи стуком в дверь, если и поняли, в чем дело, то как-то воспрепятствовать злодеям не могли. Или не хотели?

Сын коменданта Иван, испугавшись шума, бросился в спальню к отцу. Тот уже не спал, сидел на кровати и с тревогой прислушивался. Иван сообщил, что «пришли многие люди и в двери ломятся». А когда крики и топот стали слышны у самых дверей комнаты, он кинулся к окну и выбрался на улицу. Что происходило в это время в покоях коменданта, неизвестно. Действительно ли Нилов пытался душить Беневского, схватив за шейный платок, и Панов, спасая своего предводителя, выстрелил в него, или же это не более, чем литературная

версия? Как бы то ни было, случайно или преднамеренно, но капитан Нилов был убит.

Все, кто находился в доме, были арестованы, за исключением спрятавшегося в уборной Ивана Нилова и казака Ивана Дурынина, залезшего с испугу под стол. Оставив караульных, бунтовщики двинулись к канцелярии.

В это время казак Артемий Пашков пошел бить в колокол часы, увидел вооруженных людей и единственное, что успел сделать, «необычайно ... скрычал караул». Его втолкнули в сени, и за ним в канцелярию вошли Беневский, Винбладт, штурман Чурин и промышленники. Затем промышленники и ссыльные, обойдя обывательские дома, собрали все оружие.

Большерецк сдался без боя, если не считать нескольких выстрелов из дома казачьего сотника Черного, за что он и был посажен под караул в «гобвахту». Утром большерецким жителям объявили, что командир капитан Нилов умер от чрезмерного употребления огненной водки. И хотя его пьянство было официально признанным, этому не верили, но, не желая разделить участь Черного и других арестованных, любопытства и недоумения не проявляли.

По повелению Беневского в канцелярию был приведен канцелярист Спиридон Судейкин. Ему приказали написать текст присяги цесаревичу Павлу, а затем отправиться в церковь, где со священником Симеоном приводить к ней всех, кого пришлет Беневский, что Судейкин «из-за страху» и сделал.

Первыми присягали «морские служители» во главе с командиром галиота «Святой Петр» штурманом Максимом Чуриным. Несколько раньше, возможно, еще до бунта,

кем-то из русских ссыльных было написано «Объявление» в Сенат, выдвигающее ряд обвинений Екатерине II, называющее ее правление незаконным и подвергающее резкой критике положение дел в России. В материалах следственного дела текст «Объявления» находится перед текстом присяги и составляет с ним единое целое. Многие авторы утверждают, что «Объявление» подписали все участники бунта, за исключением Петра Хрущева, но никто не упоминает, что часть подписей стоит под самим «Объявлением», а часть — под присягой. Ни один человек не расписался дважды. Что же касается количественного состава подписавшихся, то простейший арифметический подсчет показывает: если исключить Хрущева и семь женщин, «Объявление» и присягу не подписали еще девять человек. Среди них Александр Турченинов. Но ведь нелепо предполагать, что бывший камерлакей Анны Иоановны не знал грамоты! И наоборот, под «Объявлением» стоит подпись промышленника Алексея Савельева (причем, не только за себя, но и за девятерых своих товарищей), но его имя отсутствует в списках сподвижников Беневского. Объяснений этим противоречиям пока нет.

Беневский составил «Манифест» на латыни, изложив в нем историю своего пути на Камчатку. Под «Манифестом» стоят две подписи: самого Беневского и Винбладта.

29 апреля на построенных паромах, прихватив с собой оружие, порох, продовольствие, денежную казну и «мягкую рухлядь», команда Беневского отправилась из Большерецка по Большой реке к ее устью. Понадобилось несколько дней, чтобы освободить ото льда находившееся в Чекавинской

гавани казенное судно. И по завершении всех работ галиот «Святой Петр» под командой штурмана Максима Чурина 12 мая вышел в море, увозя с Камчатки 70 человек, не пожелавших оставаться подданными матушки-императрицы Екатерины Алексеевны.

Более двух веков это событие не дает покоя исследователям. Но даже поверхностное ознакомление с литературой оставляет впечатление недосказанности и противоречивости. А в процессе работы с архивными источниками возникает ряд вопросов, большинство из которых остается пока без ответов.

Немногие авторы пользовались непосредственно документами следственного дела. В основном же работы, посвященные истории большерецкого бунта, написаны на материалах печатных изданий.

Прежде всего это мемуары самого Беневского, вышедшие в свет на многих европейских языках: французском, английском, немецком, чешском, польском — и бывшие бестселлерами в течение чуть ли не двух столетий, но до сих пор не переведенные на русский. Они стали той самой основой, на которой сформировалась литературная легенда и своеобразный ореол национального героя вокруг имени Маурция Беневского. Большую роль в этом сыграли произведения Юлиуша Словацкого и Вацлава Серошевского. На них воспитывалось не одно поколение поляков, происходило становление национального самосознания.

Кроме мемуаров Беневского, следует отметить частичную публикацию русским историком В. Н. Берхом «Журнала, сочиненного ... канцеляристом Спиридоном Судейкиным»

в «Сыне Отечества» за 1822 год, названного им почему-то «Записками канцеляриста Рюмина». Многие авторы в своих исследованиях используют работы А. С. Сгибнева, который излагает, скажем так, официальную версию события и приводит список сбежавших с Камчатки, но далеко не полный. И если ссыльные и казаки названы поименно, то промышленники представляются сплошной, серой, аморфной и безликой массой. А ведь они были основной силой большерецкого бунта, за каждым неназванным именем стоит конкретный человек со своей судьбой, со своими бедами и радостями. Именно такие человеческие судьбы составляют время. И невозможно понять ту или иную эпоху, не поняв мыслей, устремлений, надежд ее людей.

Пожалуй, первым попытался рассмотреть дело Беневского с точки зрения некоторых русских участников бунта и на основе архивных материалов Сергей Вахрин в своей статье «Экипаж мятежного галиота» («Вокруг света», 1990, N 2-3). Результатом его работы стали яркие и подробные портреты команды «Святого Петра». Я лишь хочу дополнить их несколькими штрихами.

В литературе сложились определенные традиции в рассмотрении некоторых фактов. Одна из них связана с именем Беневского, который представляется гениальной личностью и во всех отношениях положительным героем.

Однако детальное изучение документов проливает свет на многие темные стороны этой истории, одновременно и знаменитой, и малоизвестной, и помогает разрушить стереотипы в отношении той или иной личности.

К примеру, накануне выхода «Святого Петра» в море Беневский, призывая в свидетели Бога, дал клятву при любых обстоятельствах защищать интересы последовавших за ним людей и быть верным присяге его императорскому величеству Павлу Петровичу. Дальнейшие события показали, насколько лицемерна была клятва этого «благороднейшего» человека. В доказательство приведу цитату из следственного дела: «... приехав в Макао, называвшийся бароном в губернаторе усилился, зачел нас бить, офицеров бранить, не велел молиться образам и по-нашему креститься, велел называться унгерами. Мы все терпели. Наконец, стал государя поносить и сказывать про какого-то принца Алберта, что де он ваш государь, и ту-де присягу не во что ставлю...»

Здесь же, в Макао, Беневский продает португальскому губернатору галиот и зафрахтовывает два французских судна. И вся теперь уже бывшая команда «Святого Петра» отправляется во Францию. Вся, за исключением оставленного в тюрьме за неповиновение Ипполита Степанова и еще семнадцати русских, сломленных непривычно жарким влажным климатом, а возможно, и предательством командира. Семнадцать раз в списках, переданных русскому представителю в Париже Н. К. Хотинскому, повторяется фраза «умре в Макао ...» Семнадцать судеб. Семнадцать трагедий.

Но далеко не все те, кто ушел из Макао, остались живы. В береговом госпитале на Маврикии «за болезнью» в ожидании своего последнего часа оставлены еще четверо. Среди них был человек, благодаря которому к бунту примкнули промышленные работники купца Холодилова. О нем практически нет

сведений в литературе. И, тем не менее, он оказался вовлечен в описываемые события еще за два года до прибытия на Камчатку секретных арестантов. В следственных документах о нем говорится так: «находящийся под караулом по делу холодиловскому камчидал Сидор Красильников».

Но начнем по порядку. По мнению С. Вахрина, причиной бунта стал конфликт промышленников со своим хозяином тотемским купцом Федосом Холодиловым, который, чего-то выгадывая, три года (!) не отправлял их на промысел. А во время жестоких штормов приказал выходить в море. Судно разбилось. Промышленники вернулись в Большерецк, где и хорошенько припугнули хозяина, после чего купчину хватил удар, а они примкнули к заговору ссыльных.

На первый взгляд, все предельно просто и ясно. Но стоило углубиться в источники, как появились вопросы. Почему в материалах следствия не упоминается о подобном инциденте накануне бунта? Как могло случиться, что подштурман Софьин, проводивший «предварительное» следствие и скрупулезно занесший в реестры каждую мелочь, вплоть до ветхой сабли и железной кружки, «забыл» о купце, пострадавшем от рук злодеев? Все эти вопросы так и остались бы без ответов, если бы не уголовное дело, датированное 1768-м годом (то самое, «холодиловское»), опись которого хранится в Государственном архиве Иркутской области. Где само дело, да и сохранилось ли оно до наших дней — неизвестно. Но и опись документов, сделанная в Иркутской уголовной палате, позволяет прийти к некоторым выводам.

С. Вахрин совершенно прав относительно трех лет, проведенных промышленниками в Большерецке, только отнюдь не по прихоти хозяина, потому что к моменту большерецкого бунта он уже три года, как был мертв. Причем в описи вполне определенно говорится об умышленном убийстве, в котором обвинялись четверо: камчадалы Максим Чуркин, Михаил Новограбленный, Сидор Красильников и казак большерецкой команды Иван Васитинский. Но были ли причины и обстоятельства убийства именно такими, как описал их Сергей Вахрин? Возможно. Отсутствие самого «холодиловского дела» не позволяет ответить более определенно. (После смерти Федоса все имущество формально перешло к его племяннику Алексею Холодилову, за отсутствием которого бывший тогда камчатским командиром капитан-лейтенант Извеков передал выброшенный на берег промысловый бот и, очевидно, его команду в полное управление холодиловскому приказчику Михаиле Чулошникову.)

Арестованные Васитинский и Красильников были оставлены в Большерецке, а Чуркин и Новограбленный отправлены в Охотск, возможно, для дальнейших допросов. Но следствие затягивалось и, чтобы охотским подушным плательщикам не приходилось на свои средства содержать арестантов, местное начальство решило отослать их назад, что и было сделано с первым же отправляющимся на Камчатку казенным кораблем. К месту назначения судно не прибыло: очевидно, потерпело крушение. Даже если кто-то из его команды и пассажиров и остался жив, установить это не предоставляется возможным. Примерно в то же время в

Большерецке умирает третий арестованный — казак Васитинский. А Сидор Красильников в ожидании правосудия, которое почему-то совсем не спешило свершиться, содержится в Большерецке под караулом вплоть до апреля 1771 года, когда он примыкает к бунту и покидает Камчатку в составе команды «Святого Петра».

В описи сказано, что сделал он это «по наущению канцеляриста Портнягина». Кто этот человек? Какова его роль в судьбе Красильникова и в событиях бунта? В материалах следствия его имя встречается лишь несколько раз и никак не связывается ни с Беневским, ни с Красильниковым. Почему? Ответа нет.

Но и на Маврикии история Сидора Красильникова не кончается. Польский исследователь Эдвард Кайданьский утверждает, что он вернулся на Камчатку, долгое время благополучно здравствовал и в 1794-м (спустя 23 года после бунта) рассказывал о своих приключениях с Беневским польскому ссыльному. Возможно, существуют какие-либо документы, подтверждающие его возвращение. Но о них ничего не известно, а значит, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть версию Кайданьского.

С отсутствием документов связана и другая проблема. Как известно, Иркутск был административным центром губернии, в состав которой входила и Камчатка. Поэтому иркутский генерал-губернатор А. И. Бриль по долгу службы был в курсе всех камчатских событий. Но не одно это связывает Иркутск с бунтом Беневского. Из семнадцати человек, получивших прощение императрицы и вернувшихся

на родину, девятерым местом жительства был назначен Иркутск. Здесь теряются следы восьмерых промышленников, товарищей Красильникова, бывших свидетелями убийства Федоса Холодилова и участниками убийства Григория Нилова. Эти люди могли многое рассказать, а возможно, и рассказывали иркутянам о своей жизни в Большерецке, о тяготах промысла и опасностях морского пути, о предательстве Беневского, о далекой неведомой Франции, о том, как один за другим умирали люди из экипажа «Святого Петра», и как оставшиеся в живых со страхом ожидали, кто будет следующим. Они многое могли рассказать. К сожалению, мы не знаем что и как, мы даже ничего не знаем об их дальнейших судьбах. И может случиться, что никогда не узнаем: иркутский пожар 1879 года уничтожил ценнейшие документальные свидетельства. Из материалов дела известно лишь то, что бывшие холодиловские промышленники были определены в иркутское купечество. Но для этого необходим значительный имущественный ценз, а при отправлении из Петербурга они получили только самое необходимое: рубашки, валенки, тулупы, шапки.

Одним из девяти был штурманский ученик Дмитрий Бочаров. Он падал прошение разрешить ему остаться в морской службе в Охотске или изучать геодезию в Иркутске. Удовлетворена была вторая просьба. Бочаров получил отставку и некоторое время жил в Иркутске. К сожалению, невозможно что-либо сказать об этом периоде его жизни. В Иркутске же побывали и еще двое из команды Беневского: штурманский ученик Герасим Измаилов и камчадал Алексей Паранчин.

Оставленные Беневским на одном из Курильских островов, они сумели вернуться на Камчатку. После первых дознаний в Большерецке и Охотске их выслали в Иркутск для повторных допросов и содержали под караулом до особого распоряжения генерал-прокурора Сената князя А. А. Вяземского. Здесь же находился еще один арестованный по делу Беневского. Священник Алексей Устюжанинов не был в составе команды «мятежного галиота», но принимал непосредственное участие в подготовке побега и лишь в силу стечения обстоятельств не примкнул к восставшим. Но с Беневским ушел его четырнадцатилетний сын Иван. Князь Вяземский в своем распоряжении приказал освободить попа Устюжанинова от наказания, считая, что он и так уже наказан потерей сына. А Иван следовал за своим учителем и командиром до самой его смерти, лишь через семнадцать лет вернулся в Россию и служил до конца жизни на Нерчинских заводах. Встретились ли они с отцом? Или того уже не было в живых? А если встретились, то о чем говорили? Увы, и на эти вопросы ответов нет.

Из материалов следственного дела видно, что никто из участников бунта и лиц, причастных к нему, наказан не был. Чем объясняется подобное монаршье милосердие? Хотела ли императрица подчеркнуть свой статус просвещенной государыни? А может, стремилась поскорее предать дело забвению? Для чего и было запрещено всякое упоминание о большерецком бунте, а документы спрятаны в Тайной канцелярии с надписью Вяземского: «Без докладу Ея Величества никому не распечатывать». Вопросов еще много, и, ответив

на один, сталкиваешься со все новыми и новыми. Но ведь каждый ответ приподнимает завесу над прошлым и на шаг, пусть всего на шаг, приближает нас к тем далеким событиям и людям.

Говорят, человек умирает не когда наступает физическая смерть, а когда о нем забывают. Так давайте помнить о тех, кто ушел от нас вчера, и о тех, чьи следы теряются в веках. Право же, они этого заслужили.

МАРИНА ВАСИЛЕНКО

ЖУРНАЛ «ЗЕМЛЯ ИРКУТСКАЯ» N 3, 1995 Г.

Содержание

Вступительное слово 3
Беньевский 5
Ипполит Степанов 23
Василий Панов 26
Максим Чурин 28
Иоасаф Батурин 31
Александр Турчанинов 38
Петр Хрущев 43
Иван Рюмин 46
Яков Кузнецов 48
Дмитрий Бочаров 52
Герасим Измайлов 54
Экипаж мятежного галиота (Из мрака французских архивов). ЭДВАРД КАЙДАНЬСКИЙ 58
Бунт от сосланных злодеев. МАРИНА ВАСИЛЕНКО 76

Сергей Вахрин

Экипаж мятежного галиота

ООО «Свое издательство»
199053, Санкт-Петербург,
ул. Репина, 41
Телефон (812) 900-21-45
Сайт: isvoe.ru
Почта: editor@isvoe.ru
Заказ № 1847-2
Тираж 300 экз.
Отпечатано в собственной типографии
ООО «Свое издательство»


СВОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО